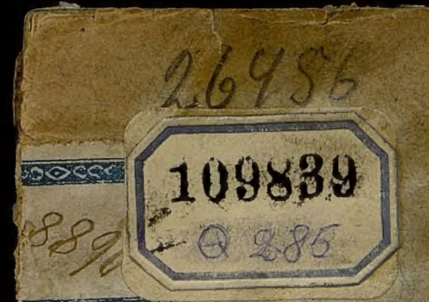

ЧТЕНІЯ

въ обществѣ любителей русской словесности

въ память А. С. ПУШКИНА

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.

XX.

ЧТЕНІЯ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Проф. А. С. Архангельскаго.

1903.

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1903.

ЧТЕНІЯ

въ обществѣ любителей русской словесности

въ память А. С. ПУШКИНА

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.

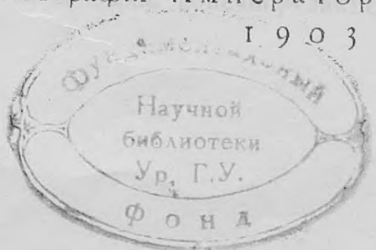
XX.

ЧТЕНІЯ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Проф. А. С. Архангельскаго.

1903.

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1903

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *А. Архангельскій.*

I.

Исходныя нити „русской литературы“ скрываются въ глубинѣ вѣковъ до-исторической жизни русскаго народа,—въ обширной области древнѣйшаго поэтическаго творчества народа, возникающаго въ связи съ его древнѣйшими религіозными вѣрованіями, общимъ строемъ его древнѣйшихъ воззрѣній и понятій, всѣмъ его бытомъ, на почвѣ общей народной „до-исторіи“,—задолго предшествующей появленію у народа письменности, началу исторической народной жизни...

Музыка, пѣніе, повидимому, издавна были отличительной чертой быта древнихъ славянъ. Извѣстна идиллическая картинка, которую рисуетъ византійскій писатель VII вѣка, Ѳеофилактъ Самосатскій, со словъ попавшихся въ плѣнъ „трехъ человѣкъ славянскаго племени“,—не имѣвшихъ при себѣ никакого оружія, съ одними „киѳарами“ въ рукахъ, и заявившихъ, что „они славяне“, что „вооружены киѳарами потому, что не научились надѣвать оружія“, что „ихъ родина не знаетъ желѣза“, что „жизнь ихъ мирная и покойная“, и „на лирахъ они играютъ потому, что не умѣютъ трубить въ военныя трубы“... Какъ уже замѣчено изслѣдователемъ, эти приводимыя византійскимъ писателемъ слова плѣнниковъ—очевидно, лукаво вымышленный разсказъ, которымъ славянскіе лазутчики хотѣли отвлечь отъ себя подозрѣніе; тѣмъ не менѣе „самая ложь была, конечно, заимствована изъ дѣйстви-

тельныхъ особенностей быта, изъ самой жизни племени,—у котораго музыка и пѣніе, очевидно, издавна занимали видное мѣсто"... На значительное развитіе въ славянскомъ племени музыкальности указываетъ, съ своей стороны, самый языкъ: въ славянскихъ нарѣчіяхъ имѣется цѣлый рядъ словъ, означающихъ различные музыкальные инструменты: *гусли* [ср. также слова: *гуденіе, гудьба, гудьци*], *сурны, свирѣль, сопѣли* [отъ общеславянскихъ корней: *гуд, сур, свир, соп*], *бубны*. Послѣднее слово, очевидно—не славянское, но существуетъ во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, указывая повидимому на какое-то вліяніе со стороны.

Древнѣйшее извѣстіе о пѣніи и пѣсняхъ русскихъ славянъ идетъ съ X вѣка: разумѣемъ извѣстіе, сообщаемое арабскимъ писателемъ-путешественникомъ Ибнъ-Фодланомъ о пѣсняхъ русской дѣвушки, обреченной на сожженіе вмѣстѣ съ трупомъ ея умершаго господина. Вообще пѣніе и пѣсни, „гудѣнія" и „плесканія" у русскихъ славянъ, повидимому, уже издавна были весьма распространенными, представляли собою богатую область устной обрядо-бытовой народной поэзіи. Письменныя свидѣтельства довольно многочисленны,—какъ напр. извѣстное мѣсто въ Несторовомъ *Житіи Θеодосія*, гдѣ разсказывается, какъ однажды преподобный „вниде въ храмъ, идѣже бѣ князь сѣдя, и се видѣ многыя играющи предъ нимъ, овы гусльныя гласы испускающе, другыя же органьныя гласы поюще, инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ, и тако всѣмъ играющемъ и веселящемся, яко же обычай есть предъ княземъ"... Припомнимъ указаніе въ *Церковномъ правилѣ* м. Іоанна [1089] на совершеніе у простого народа браковъ „безъ церковнаго обряда, лишь по язычески, съ плясаніемъ, гуденіемъ и плесканіемъ",—или извѣстное увѣщаніе въ *Словѣ Христолюбца*: „Не подобаетъ крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, пѣсни

мирьская и жертвы идольскія, еже молятся огневѣ подъ овиномъ и Виламъ и Мокоши и Симу и Реглу и Перуну и Роду и Рожаницѣ"... Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, указываются на какія-то религіозно-обрядовыя пѣсни, еще тѣсно связанныя съ старымъ язычествомъ, съ языческими „играми" и „жертвами" старымъ богамъ. Въ одномъ мѣстѣ дошедшаго до насъ отрывка изъ *Посланія* Владимира Мономаха къ Олегу Святославичу изслѣдователи видятъ намекъ на существованіе у русскихъ славянъ особыхъ свадебныхъ пѣсенъ. Въ нашей *Начальной лѣтописи* не разъ упоминается о плачахъ, причитаніяхъ надъ умершими, — приводятся иногда отрывки этихъ плачей, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ незначительные. На страницахъ той же начальной лѣтописи не разъ встрѣчаются упоминанія о „волхвахъ", „кудесникахъ", вездѣ быстро привлекающихъ къ себѣ народныя массы; послѣднее—популярность волхвовъ—конечно, объяснялось ничѣмъ инымъ, какъ тѣсной связью ихъ съ старымъ язычествомъ, — появлявшіеся „волхвы", очевидно, являлись хранителями старыхъ, до-христіанскихъ воззрѣній, бывшихъ еще весьма близкими народу... Древне-русскія „волхованія" и „чародѣянія", конечно, соединялись съ тѣми или другими обрядами, заклинательными формулами—заговорами. Древне-русскій языкъ нераздѣльно связываетъ понятія чародѣянія и наговора,—*баяти* значило и баснословить и ворожить; *баяніе* [ср. *обавъ, обава, обаяніе*] означаетъ и басню, миѳъ, и наговоръ; ср. *баянъ*—обаятель и т. п. Къ области заклинаній, заговоровъ принадлежали и древнѣйшія языческія клятвы,—образчики которыхъ мы встрѣчаемъ въ *Договорахъ* русскихъ съ греками [X в.]. Уже очень рано мы видимъ у русскихъ славянъ зачатки былевой поэзіи, первые зародыши, историческаго эпоса,—пѣсни, относящіяся къ лицамъ и событіямъ или прямо историческимъ или такъ или иначе связаннымъ съ историче-

скими событіями. На существованіе у насъ уже въ раннее время богатыхъ элементовъ этого рода поэзіи указываютъ многочисленныя преданія, занесенныя въ *Начальную лѣтопись*,—о Кіѣ, Ольгѣ, Олегѣ, Всеславѣ Полоцкомъ и др. п. Особенно важно въ этомъ отношеніи извѣстное свидѣтельство *Слова о полку Игоревѣ*, упоминанія автора „Слова" о Боянѣ и его „замышленіяхъ". Для насъ безразлично, существовалъ въ дѣйствительности Боянъ, „соловей стараго времени или нѣтъ,—важно самое извѣстіе, самое преданіе, занесенное въ памятникъ XII вѣка, о нѣкогда жившемъ „пѣвцѣ" и созданномъ имъ цѣломъ циклѣ былевыхъ пѣсенъ. Очевидно, въ то время, когда писалось „Слово"—въ концѣ XII вѣка—эти пѣсни еще хорошо помнились,—авторъ „Слова" не только знаетъ ихъ, но и приводитъ изъ нихъ отрывки, отдѣльныя выраженія... Уже съ древнѣйшаго времени мы встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ нашихъ письменныхъ памятникахъ нерѣдкія упоминанія о „гудцахъ", „игрецахъ", „скоморохахъ", — особомъ классѣ людей, для которыхъ музыка, пѣніе, пляска, было какъ бы спеціальностью; довольно значительную роль скоморохи играютъ и въ нашихъ былинахъ...

Всѣ эти и подобныя данныя фактически указываютъ на значительное развитіе у русскихъ славянъ уже въ отдаленное до-историческое время народнаго поэтическаго творчества,—вообще говорятъ о значительномъ богатствѣ уже въ древнѣйшее время устной поэзіи русскаго народа. Къ сожалѣнію, наиболѣе ранніе зачатки русской народной поэзіи до насъ не дошли, пропали почти безслѣдно. Мы не имѣемъ никакихъ памятниковъ нашей народной поэзіи отъ сколько нибудь ранняго времени: все, что́ дошло до насъ, собрано наукой лишь въ самое послѣднее время, — за немногими исключеніями, главн. образ. въ половинѣ прошлаго столѣтія, или собирается только теперь!.. Уже одно это обстоятельство доста-

точно говоритъ о характерѣ дошедшихъ до насъ памятниковъ нашей древнѣйшей народной поэзіи. Эти памятники почти совсѣмъ не помнятъ о той „до-исторіи“ русскаго народа, на почвѣ которой они возникли. Сдѣланныя такъ поздно записи памятниковъ нашей старой народной поэзіи уже ничего не знаютъ о самыхъ богахъ до-исторической славяно-русской миѳологіи,—передъ нами лишь глухіе, неясные отзвуки далекаго прошлаго... Случайно уцѣлѣвшія и еще болѣе случайно собранныя, произведенія нашей древнѣйшей устной поэзіи по своему характеру и содержанію являются не столько принадлежащими къ начальной порѣ народной „до - исторіи“, сколько—въ гораздо бо́льшей степени прошедшими длинный путь позднѣйшаго бытового и историческаго развитія народа. Слабые, случайно уцѣлѣвшіе слѣды старыхъ, первично - миѳологическихъ образовъ и вѣрованій чаще всего здѣсь совершенно теряются, исчезаютъ среди густого слоя гораздо болѣе позднихъ вліяній и наслоеній,—принесенныхъ христіанствомъ и книжностью, различными между-народными сношеніями и взаимодѣйствіями, общими условіями болѣе поздней исторической и бытовой жизни народа и т. д. и т. д.

Областью народнаго творчества, гдѣ эти отзвуки, казалось, были наиболѣе сильными, изслѣдователи долгое время считали народную сказку. Причудливое, полное фантазіи, содержаніе сказокъ, далекое отъ какихъ бы то ни было мѣстныхъ пріуроченій, поразительное сходство, общая интернаціональная близость сказочнаго матеріала, уже скоро подмѣченная изслѣдователями между сказками самыхъ различныхъ народовъ—все это, казалось, ставило народную сказку особенно близко къ старымъ миѳологическимъ воззрѣніямъ, свидѣтельствовало, что здѣсь передъ нами какъ бы спеціальная область стараго миѳа. Народныя сказки, казалось, по преимуществу хранили въ себѣ старое общеарійское достояніе... Позднѣйшія научныя

изслѣдованія въ значительной степени урѣзали такой взглядъ на сказку. При позднѣйшихъ изученіяхъ оказалось, что сходство сказочнаго матеріала охватываетъ далеко не одни племена арійскія, напротивъ, распространяется часто и на другія, не-арійскія племена, напр., семитическія; что столь поражающее родство сказокъ различныхъ народовъ касается не только общей темы, фабулы, какъ должно бы было быть въ виду предполагаемаго, лежащаго въ ихъ основѣ, единства обще-арійскаго матеріала, но очень часто и мелкихъ подробностей, не имѣющихъ уже никакого отношенія къ миѳу. Вообще при болѣе детальномъ изученіи, огромная, преобладающая масса международнаго сказочнаго матеріала по своему происхожденію оказалась гораздо болѣе поздней и гораздо болѣе сложной, чѣмъ старые первичные миѳы индо-европейскихъ народовъ,—и миѳологическая теорія, созданная Гриммами, приводившая изслѣдователей къ первобытнымъ арійцамъ, казавшаяся столь блестящей, уже очень скоро должна была уступить свое мѣсто въ наукѣ другой точкѣ зрѣнія, выдвинутой Бенфеемъ и дополненной Либрехтомъ—теоріи литературнаго заимствованія. Послѣдняя вернула изслѣдователей изъ отдаленной эпохи до-исторической жизни народовъ къ эпохамъ гораздо болѣе позднимъ, въ частности—къ востоку, къ Индіи. Въ интернаціональномъ сходствѣ сказокъ должны были признать результатъ не древнѣйшихъ арійскихъ миѳовъ, давно изчезнувшихъ и забытыхъ народомъ, а результатъ несравненно болѣе позднихъ народныхъ взаимодѣйствій и заимствованій, отчасти принадлежавшихъ даже исторической эпохѣ,—результатъ широкаго литературнаго вліянія стараго Востока на европейскій Западъ. Какъ на посредниковъ, перенесшихъ въ Европу поэтическое достояніе Востока, указывали при этомъ на монголовъ, буддизмъ, наконецъ, на Византію. Послѣдняя мысль, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, оказалась особенно счастливой. Ви-

зантія дѣйствительно въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ играла огромную роль и въ древнѣйшихъ и болѣе позднихъ средневѣковыхъ литературахъ Востока и Запада, была всегда самой живой посредницей при ихъ взаимномъ обмѣнѣ литературными матеріалами,—изстари снабжая средневѣковую Европу массой самыхъ разнообразныхъ повѣстей и сказаній, въ свою очередь полученныхъ ею съ Востока. Позднѣе теорія получила новыя значительныя измѣненія и поправки. Между прочимъ обнаружилась возможность и обратныхъ переходовъ, съ Запада на Востокъ, изъ старой Европы въ Азію; вмѣстѣ съ этимъ указано было на могущественное значеніе, въ смыслѣ литературныхъ вліяній, классической Греціи, ея развитой и богатой миѳологіи,—обнаружилось, что очень многія сказанія, сдѣлавшіяся позднѣе международными, исходный источникъ свой имѣли въ древнихъ миѳологическихъ сказаніяхъ классическихъ грековъ и т. д. Само собой разумѣется, что какъ старая миѳологическая теорія, такъ и позднѣйшая, теорія литературнаго заимствованія — относятся не къ однимъ сказкамъ, но вообще ко всей области устной народной поэзіи. Такъ — при позднѣйшихъ изученіяхъ, въ связи съ общими сравнительно-историческими изслѣдованіями обширнаго индо-европейскаго сказочнаго матеріала—русскія сказки оказались далеко не исключительно „миѳологическими“, напротивъ, крайне сложными, можетъ быть, даже въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ какой либо другой видъ народной поэзіи. Рядомъ съ отрывочными, чрезвычайно слабыми, намеками миѳологическими, крайне неясными отзвуками періода до-историческаго, здѣсь передъ нами чаще всего—общій густой слой всякихъ несравненно болѣе позднихъ наслоеній, книжныхъ и вообще литературныхъ, наслоеній бытовыхъ, чисто историческихъ и мѣстныхъ, наконецъ элементы еще болѣе поздніе—сатиры, юмора и т. д. и т. д. Позднѣйшіе элементы входили сюда тѣмъ легче, что русская сказка давно

уже стала для народа „складкой“, пустой выдумкой, забавой, произведеніемъ, которое необычайной своей атмосферой, роскошью своихъ красокъ давно уже стало служить какъ бы отдохновеніемъ отъ суровой дѣйствительности, помогать и разсказчику и слушателямъ на время „отвести душу“, забыться, позабавиться. Уже въ одномъ поученіи XII в., при описаніи жизни русскаго богача, замѣчается: „възлежащу ему и не могущу уснути—„ноги ему гладять, иніи по лядвіямъ тѣшать его, иніи гудуть, и н і и б а ю т ь е м у и кощунять“... Слушаніе сказокъ—обычная забава нашихъ помѣщиковъ и въ XVIII в. Это болѣе позднее чисто бытовое значеніе сказки, безъ сомнѣнія, помимо всего другого, самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяло на измѣненіе ея стараго содержанія, ея древнѣйшаго характера: фантазія разсказчика въ теченіе вѣковъ, конечно, не мало работала и сама по себѣ, помимо всякаго отношенія къ какимъ-либо миѳамъ,—исключительно въ видахъ этой новой, чисто бытовой цѣли сказки, ея занимательности, интересности для слушателей...

Наиболѣе старымъ слоемъ нашихъ сказокъ являются с к а з к и о з в ѣ р я х ъ, такъ наз. ж и в о т н ы й э п о с ъ. Не смотря на всѣ потери, животный эпосъ славяно-русскаго племени сохранилъ въ себѣ до позднѣйшаго времени нѣсколько чрезвычайно древнихъ обще-арійскихъ мотивовъ.

Въ общемъ гораздо сильнѣе вѣетъ миѳологической стариной отъ дошедшихъ до насъ русскихъ з а г о в о р о в ъ, з а г а д о к ъ, о б р я д о в ы х ъ и б ы т о в ы х ъ п ѣ с е н ъ и п р и ч и т а н і й н а д ъ у м е р ш и м и,—хотя и здѣсь позднѣйшія научныя изученія все сильнѣе урѣзываютъ роль старой миѳологіи.

Русскіе з а г о в о р ы общимъ, лежащимъ въ ихъ основѣ, строемъ своего міровоззрѣнія, уносятъ насъ въ область самой отдаленной сѣдой старины, на почву самыхъ раннихъ миѳологическихъ вѣрованій до-историческаго человѣчества. Основой заговора служитъ безусловная вѣра въ таинственную силу человѣческаго *слова*, въ силу особыхъ заклина-

тельныхъ формулъ, соединяемыхъ съ извѣстными дѣйствіями, съ тѣми или другими религіозными обращеніями; общая психологическая основа заговора—та же, на которой коренится и вѣра въ силу благословенія, проклятія, въ силу клятвы. О могучей силѣ человѣческаго слова говоритъ цѣлый рядъ сказаній и повѣрій, существующихъ у самыхъ различныхъ народовъ, древнихъ и новыхъ. У русскихъ славянъ „волхвы" съ своими чародѣяніями, „потворами" и „вѣдовствомъ", выступаютъ весьма замѣтными фигурами не только на самой зарѣ русскаго христіанства, но—превратившись въ „знахарей", „вѣдуновъ" и „колдуновъ"—продолжаютъ удерживать свое значеніе въ народной массѣ и до сихъ поръ... Изъ русскихъ заговоровъ, дошедшихъ до насъ, впрочемъ, лишь немногіе носятъ на себѣ слѣды миѳологической старины; большинство не имѣютъ уже никакого отношенія къ старымъ языческимъ вѣрованіямъ и почти исключительно стоятъ на почвѣ позднѣйшаго христіанскаго міровоззрѣнія. Въ сохранившихся до насъ заговорахъ старая языческая вѣра въ силу слова чаще всего замѣняется призываніемъ священныхъ христіанскихъ именъ или различными молитвенными обращеніями. Особая группа заговоровъ—такъ называемыя *ложныя молитвы*—прямо позднѣйшаго, христіанско-книжнаго происхожденія, стоитъ въ ближайшей связи съ областью древне-русскихъ апокрифовъ.

Вмѣстѣ съ заклинаніями и заговорами, наиболѣе ранней формой первичной народной поэзіи у всѣхъ народовъ являются загадки. Существованіе загадокъ изслѣдователи указываютъ уже у арійцевъ. Изъ дошешихъ до насъ русскихъ загадокъ нѣкоторыя носятъ на себѣ очевидные слѣды отдаленныхъ миѳологическихъ вѣрованій. Языкъ нашихъ загадокъ нерѣдко и до сихъ поръ отличается особой образностью, переноситъ насъ на почву самыхъ раннихъ воззрѣній первобытнаго человѣка. Такихъ загадокъ, впрочемъ, немного. Къ

тому же не надо забывать, что встрѣчающіяся въ произведеніяхъ народной поэзіи различныя олицетворенія могутъ являться простыми метафорами, имѣющими очень мало отношенія къ какимъ либо миѳамъ... Огромное большинство теперешнихъ, живущихъ въ устахъ парода, загадокъ, совершенно чуждо какихъ либо миѳологическихъ воспоминаній,—имѣетъ исключительно бытовой характеръ, обыкновенно рѣдко выходитъ за предѣлы крестьянской избы и вообще современнаго крестьянскаго быта: и въ сюжетахъ и въ образахъ, сравненіяхъ—здѣсь чаще всего передъ нами предметы самые близкіе къ крестьянскому міру, который часто выступаетъ здѣсь съ мельчайшими подробностями. Изрѣдка въ загадкахъ сказывается вліяніе письменности; многія стоятъ на почвѣ поэтическихъ контрастовъ, антитезы, разнаго рода сближеній, сравненій и т. п.—или переходятъ въ область ироніи, шутки. Послѣднее едва ли теперь не главный, наиболѣе привлекательный для народа элементъ обращающихся въ его устахъ загадокъ, отвѣчающій и главной теперешней ихъ задачѣ,—позабавиться, провести пріятно время, выказать свое остроуміе, замысловатость...

Едва ли не наиболѣе крупными обломками нашей поэтической старины являются обрядовыя и бытовыя пѣсни, изстари тѣсно связанныя съ обрядами и обычаями народа. Не смотря на крайне скудные дошедшіе остатки, нельзя иногда здѣсь не видѣть слѣдовъ самой отдаленной поры народной жизни. Соотвѣтственно старымъ языческимъ празднествамъ русскихъ славянъ,—сохранившіяся до насъ обрядовыя пѣсни распадаются на нѣсколько цикловъ: „колядскія“, „купальскія“, „семицкія“, „веснянки“ и т. п. Миѳологіи во всѣхъ нихъ очень не много; чаще всего—отдѣльныя слова, выраженія, отрывочные образы и намеки, случайно уцѣлѣвшіе, и уже очень мало теперь понятные русскому

крестьянину. Но все же общая совокупность уцѣлѣвшихъ отрывковъ, въ связи съ имѣющимся матеріаломъ этнографическимъ и обрядовымъ, можетъ дать иногда довольно яркую картину. По своимъ связямъ съ отдаленной бытовой стариной, особенно богатыми являются свадебныя пѣсни, до сихъ поръ соединяющіяся съ цѣлыми циклами разнообразныхъ свадебныхъ обычаевъ. Въ обширной области этихъ обычаевъ, до сихъ поръ свято соблюдающихся по многимъ уголкамъ крестьянской Россіи, не смотря на позднѣйшія искаженія — пробиваются нерѣдко яркіе слѣды старыхъ религіозныхъ вѣрованій, старыхъ бытовыхъ воззрѣній на бракъ, слѣды различныхъ брачныхъ формъ, существовавшихъ нѣкогда у русскихъ славянъ, и т. п. Какъ мы знаемъ изъ лѣтописи, брачныя формы, бывшія извѣстными у древнихъ русскихъ, были различны: рядомъ съ „звѣриными обычаями“, существовало „умыканіе“ дѣвицъ и „покупка“. Слѣды этихъ древнѣйшихъ формъ брака—умыканія и покупки — довольно отчетливо проглядываютъ во многихъ теперешнихъ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ и соединяющихся съ ними обычаяхъ. Этотъ напр. поѣздъ жениха, эта толпа движущихся вооруженныхъ людей, съ „княземъ“ и „тысяцкимъ“ во главѣ, эта борьба передъ домомъ невѣсты—безспорно указываютъ на ту пору, когда невѣсту приходилось брать съ бою; съ другой стороны, такіе обряды, какъ „смотрины“, „рукобитье“ сватовъ, „продажа косы“, „выкупъ мѣста“ около невѣсты и т. п.—что̀ это, какъ не отзвуки старыхъ бытовыхъ формъ „покупки“ невѣсты?... Во многихъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ нельзя не видѣть также отголосковъ стараго культа домашняго очага, слѣдовъ культа предковъ, а равно вообще старыхъ родовыхъ формъ быта. Цѣлый рядъ свадебныхъ обычаевъ указываетъ на исконное языческое обоготвореніе воды, —и так. образ. примыкаетъ къ одной изъ древнѣйшихъ формъ брака, упоминаемой въ лѣтописи, „умыканію невѣстъ“ у во-

ды... До-историческое бытовое значеніе брака—переходъ женщины, выходившей замужъ, изъ подъ власти одного рода во власть другого—нельзя не видѣть, напр., въ этомъ обрядѣ „разуванія жениха невѣстою", упоминаемомъ уже въ древнѣйшей лѣтописи [подъ 980 г.] и удерживающемся кое-гдѣ до сихъ поръ... Въ огромномъ большинствѣ дошедшія до насъ *свадебныя пѣсни* лишены, впрочемъ, уже всякаго отношенія къ древнему быту и обряду; содержаніе этихъ пѣсенъ—исключительно лирическое, современно-бытовое.

Похоронныя пѣсни или причитанія надъ умершими, такъ наз. *заплачки*, въ древности составляли повидимому одинъ изъ наиболѣе богатыхъ отдѣловъ обрядовой поэзіи русскихъ славянъ и—подобно свадебнымъ пѣснямъ при бракѣ—являлись, очевидно, необходимой частью древнерусскаго погребальнаго обряда. О „плачахъ" надъ умершими, какъ мы замѣчали, неразъ упоминается въ древнѣйшей лѣтописи; о нихъ упоминается и въ „Словѣ о полку Игоревѣ", — приводится даже нѣсколько словъ такихъ причитаній. Судя по указаніямъ лѣтописи, у русскихъ славянъ обрядъ погребенія совершался различно: трупъ или сожигали или спускали въ воду на лодкахъ и на доскахъ или—переходя къ позднѣйшей формѣ погребенія—зарывали въ землю. Это различіе въ погребальныхъ обрядахъ, изстари употреблявшихся у русскихъ, отчасти отражается и въ дошедшихъ причитаніяхъ,—въ тѣхъ весьма различныхъ представленіяхъ, которыя даютъ эти причитанія о загробной жизни. Въ нашихъ причитаніяхъ умершіе представляются или живущими въ свѣтломъ, заоблачномъ пространствѣ, около солнца, мѣсяца, звѣздъ,—этого рода преставленія, очевидно, примыкали къ обряду сожженія трупа: сожженіе облегчало умершему путь къ небу. Или будущее загробное жилище представляется находящимся въ землѣ, въ могилѣ, въ гробу,—гробъ изображается будущимъ домомъ умершаго, называется его „домовищемъ", „до-

мовиной“; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ гробу дѣлаются даже окошки, закрывая ихъ слюдой, съ умершими кладутся въ землю предметы, особенно для нихъ дорогіе, необходимые. Подобнаго рода представленія могли возникнуть, конечно, лишь съ того момента, когда господствующей формой погребенія стало зарытіе въ землю... Едва ли не въ болѣе или менѣе близкой связи съ упомянутой выше особой формой погребенія, бывшей у насъ извѣстной съ древности—обрядомъ спусканія трупа на воду—стоятъ смутныя преданія объ островѣ Буянѣ, невѣдомой странѣ блаженныхъ, гдѣ живутъ умершіе. Но вообще и здѣсь, въ области причитаній, „заплачекъ“—отзвуки старыхъ воззрѣній или совершенно отсутствуютъ или являются намеками, до крайности затемненными, ничтожными. Въ большинствѣ, дошедшія до насъ причитанія, очень далекія отъ всякой миѳологіи и „до-исторіи“, вводятъ насъ уже въ современный бытъ русскаго крестьянина, рисуютъ бытъ, непосредственно окружавшій умершаго,—при чемъ господствующимъ содержаніемъ, часто исключающимъ всякое другое, является непосредственное лирическое чувство, горесть утраты. Послѣднее нерѣдко отличается необычайной силой, богатствомъ и яркостью поэтическихъ образовъ и картинъ, и въ этомъ отношеніи дошедшія до насъ причитанія—отдѣлъ нашей народной поэзіи едва ли не наиболѣе поэтическій.

Еще меньше какой либо „миѳологіи“ и „до-исторіи“ въ современныхъ народныхъ пословицахъ, хотя происхожденіе пословицъ относится вообще ко временамъ до-историческимъ. Дошедшая до насъ теперешняя ихъ масса имѣетъ уже почти исключительно бытовой, морально-практическій характеръ. Какъ результатъ многовѣковой мудрости народа, его житейской опытности, какъ выводы его практическаго здраваго смысла, какъ сводъ практической народной философіи,

которая въ теченіе вѣковъ вырабатывается у народа, въ связи съ его бытомъ, съ условіями всей его жизни и обстановки—народныя пословицы едва ли не быстрѣе всѣхъ другихъ отдѣловъ устной народной поэзіи забываютъ о прошломъ, стоятъ въ непосредственной близости къ живой, текущей жизни народа,—удерживаются въ народѣ лишь до тѣхъ поръ, пока народъ видитъ передъ собой тѣ бытовыя условія, подъ вліяніемъ которыхъ пословица возникла. Понятно отсюда, почему древнѣйшихъ пословицъ сохранилось такъ мало,—лишь какъ отдѣльныя и очень рѣдкія случайныя исключенія, да и въ этомъ случаѣ часто съ значеніемъ уже другимъ, болѣе широкимъ, переноснымъ. Древнѣйшія пословицы своимъ содержаніемъ указываютъ на старыя языческія обоготворенія воды, горъ, лѣса, намекаютъ на древнія языческія жертвоприношенія и т. п.; общее большинство нашихъ пословицъ, какъ уже замѣчено, стоитъ уже на почвѣ позднѣйшаго, современнаго быта народа,—и въ этомъ отношеніи своими источниками нерѣдко имѣютъ или старую письменность или произведенія болѣе обширныя самой народной поэзіи. Такъ многія пословицы уже издавна вошли въ народъ изъ *книгъ св. Писанія*, изъ народныхъ былинъ, сказокъ, пѣсенъ. Не упоминаемъ о значительномъ отдѣлѣ пословицъ историческихъ и т. п.

II.

Письмо было извѣстно у славянъ уже задолго до принятія христіанства и перевода на славянскій языкъ *книгъ св. Писанія*. По сохранившемуся извѣстію, принадлежащему одному болгарскому писателю X в., нѣкоему Храбру,—древнѣйшими письменами славянъ были „черты и рѣзы“, отъ которыхъ они перешли къ „греческимъ и римскимъ письме-

намъ"; послѣдними славяне пользовались „многа лѣта",—пока наконецъ, въ половинѣ IX ст. [въ 855—863 гг.], не изобрѣтена была Константиномъ Философомъ славянская азбука... Изъ указаній Храбра не видно, что это были за письмена, на сколько приспособлены были къ удобству письма эти „черты и рѣзы": съ одной стороны, Храбръ какъ бы противополагаетъ ихъ обычной письменности, „книгамъ" [„не имѣху книгъ, но"....]; съ другой, „чертами и рѣзами" славяне „чьтяху и гатааху".... Предполагаютъ, что славянскія „черты и рѣзы" представляли собой нѣчто среднее между древнѣйшими германскими рунами, употреблявшимися при бросаніи жребія, и болѣе позднимъ ихъ видомъ, когда руны являются уже настоящими письменами.

Едва ли нѣчто подобное этимъ „чертамъ и рѣзамъ" не употреблялось изстари и у русскихъ славянъ. Упоминавшійся выше арабскій писатель X вѣка, Ибнъ-Фодланъ, при описаніи различныхъ обрядовъ, которые онъ наблюдалъ у русскихъ славянъ, между прочимъ упоминаетъ о ихъ обычаѣ дѣлать *надписи* на могильныхъ столбахъ: „Насыпали большой курганъ, водрузили посрединѣ деревянный столбъ и написали на немъ имя умершаго, вмѣстѣ съ именемъ русскаго князя"... Другой арабскій писатель того же времени, Ибнъ-Эль-Techнединъ приводитъ даже самыя начертанія письменъ, видѣнныхъ имъ у русскихъ: письмена эти, сообщаетъ онъ, вырѣзывались на деревѣ,—онъ самъ видѣлъ одну грамоту русскаго князя, вырѣзанную „на кускѣ бѣлаго дерева", начертанія которой и приводитъ въ своемъ трудѣ. Въ *Договорахъ русскихъ съ греками* [912—945] указывается на обычай русскихъ славянъ, жившихъ въ Константинополѣ, дѣлать при своей смерти письменныя завѣщанія, а также упоминается о посыльныхъ грамотахъ, которыми русскіе князья должны были снабжать своихъ купцовъ и пословъ, при отправкѣ въ Царьградъ. О русскихъ княжескихъ „грамотахъ"

упоминается и въ нашей *Начальной лѣтописи.* О „русскихъ письменахъ“ есть еще наиболѣе раннее извѣстіе въ *Паннонскомъ житіи св. Кирилла.* При разсказѣ о путешествіи св. братьевъ въ Хазарію и предварительной остановкѣ ихъ на пути въ Корсуни, въ житіи сообщается: „Обрѣте [Кириллъ] ту [въ Корсуни] Евангеліе и Псалтырь русьскы письмены писано, и человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ, и силу рѣчи приимъ, своей бесѣдѣ прикладая различна письмена, гласная и съгласная, и вскорѣ начатъ чьсти и сказати“...

Къ сожалѣнію, всѣ эти извѣстія крайне неясны и неопредѣленны. Документальная исторія русской письменности начинается лишь со введеніемъ у насъ христіанства.

Нѣтъ нужды говорить о томъ общемъ могучемъ вліяніи, которое должны были произвести христіанство и принесенная имъ византійская письменность въ первобытной средѣ русскаго славянства, только что выступавшаго изъ до-историческаго тумана,—на эти едва начинавшія складываться политическія и гражданскія формы русскихъ славянъ, на ихъ эмбріональныя, едва формировавшіяся религіозныя вѣрованія. Христіанство, хотя не вдругъ, но рѣшительно и навсегда охватило мысль русскаго славянина—и съ первыхъ же моментовъ своего введенія дѣлается самымъ могущественнымъ факторомъ и частной и общественной жизни сѣверо-восточнаго славянства. Передъ русскимъ народомъ открылся совершенно новый міръ идей, религіозныхъ, нравственныхъ, гражданско-бытовыхъ, — разомъ нарушившій непосредственность стараго язычества, цѣлость стараго міросозерцанія и быта; въ языческое общество вносятся совершенно новыя начала, новая мѣрка нравственнаго достоинства,—общечеловѣческія идеи любви, самопожертвованія. Вся общественная и культурная жизнь народа ставилась на совершенно иную почву... Вмѣстѣ съ вліяніемъ христіанства, общество всецѣло

переносятся выработанныя въ Византіи понятія юридическія, семейныя, общественныя. *Русская Правда* быстро измѣняется по византійскому „Номоканону"... Вліяніе христіанства было тѣмъ могущественнѣе, что соединялось съ другимъ могучимъ факторомъ — письменностью, „литературой". Помимо общей высоты принесенныхъ христіанствомъ новыхъ нравственныхъ идеаловъ, христіанская письменность впервые вносила въ грубую языческую среду русскаго славянства новый, совершенно особый факторъ общественной жизни— элементъ образованія, „книжности", высокаго уваженія къ просвѣщенію, къ „грамотѣ", къ „книгѣ". Припомнимъ эту начинающуюся у насъ на первыхъ же порахъ горячую проповѣдь о важности и необходимости чтенія книгъ, это уваженіе—можно сказать, благоговѣніе—къ „книгѣ", къ „писанію"...

Принесенная христіанствомъ византійская переводная литература кладетъ первыя прочныя основанія для возникновенія въ „крещеной Руси" туземной литературы,—на цѣлые вѣка служитъ для послѣдней общей почвой, исключительнымъ источникомъ, идеаломъ и образцомъ, на цѣлый рядъ вѣковъ опредѣляетъ ея характеръ и направленіе. Нужно имѣть въ виду общій характеръ этой принесенной христіанствомъ византійской литературы, ея содержаніе, объемъ ея идей,—чтобы вполнѣ понять и оцѣнить то широкое культурное вліяніе, какое она должна была внести съ собой въ ново-просвѣщенную христіанствомъ страну. Эта литература прежде всего и главнымъ образомъ имѣетъ въ виду цѣли христіанскаго просвѣщенія; принесенныя къ намъ христіанствомъ „книги", помимо Библіи, книгъ богослужебныхъ и церковныхъ, главнымъ образомъ —творенія отцовъ церкви, литература Византіи и вообще православнаго востока II—VIII вв., житія святыхъ, длинный рядъ прологовъ, патериковъ, четь-

минеи и т. п. Но было бы совершенно ошибочно думать, что пришедшая съ христіанствомъ письменность—исключительно аскетическая, монастырская; въ ней не мало было содержанія и обще-христіанскаго, общечеловѣческаго. При господствующемъ содержаніи духовно-религіозномъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ являлась могучимъ факторомъ общекультурнымъ, давала средства къ общему культурному развитію страны, къ общему умственному развитію народа. Нѣтъ нужды говорить, какъ много этого общекультурнаго содержанія представляли такія произведенія византійской литературы, какъ творенія І. Златоуста († 407), Ефрема Сирина († 372), Нила Синайскаго († 450), такія произведенія, какъ *Стословъ* Геннадія († 471), *Пандекты* инока Антіоха († 635) и др. под. Не говоримъ о самыхъ книгахъ библейскихъ, о глубинѣ ихъ общечеловѣческаго содержанія, свѣжести чувства, широкомъ взглядѣ ихъ на человѣка, на природу. *Псалтырь*, какъ извѣстно, уже скоро дѣлается у насъ въ полномъ смыслѣ народной книгой. Принесенная византійская литература нерѣдко давала читателямъ и свѣдѣнія чисто научныя. Разумѣемъ такія сочиненія, какъ *Шестодневъ* Василія Великаго († 379), *Небеса* І. Дамаскина († 777), его *Логика или Діалектика*. Нѣтъ нужды называть сочиненія историческія, —на самой первой порѣ перешедшіе къ намъ византійскіе *хроники, хронографы*. Переводная византійская литература далеко не лишена была и чисто поэтическаго содержанія. Живую неисчерпаемую область поэзіи, хотя можетъ быть нѣсколько однообразную, представляла обширная область житій святыхъ, легендъ, сказаній о чудесахъ, видѣніяхъ, чудесныхъ знаменіяхъ, необозримый рядъ разсказовъ изъ жизни иноковъ, подвижниковъ и т. п. Обиліемъ богатыхъ поэтическихъ картинъ отличаются и многія патристическія сочиненія, — эсхатологическія *слова* Ефрема Сирина, *слова* Евсевія Александрійскаго († пол. V в.), Епифанія Кипрскаго († 402)... Особенно богатой въ этомъ отношеніи

была область апокрифической литературы, особый обширный отдѣлъ византійской литературы, перешедшій къ намъ уже съ самой ранней христіанской письменностью, примыкавшій частью къ самой Библіи, частью къ легендарно-поэтической области житій святыхъ, патериковъ, прологовъ,—быстро ставшій чрезвычайно популярнымъ въ древнерусской книжной средѣ, хотя оффиціально преслѣдовавшійся церковью, запрещаемый. Популярность больше всего и объяснялась крайне своеобразнымъ, „поэтическимъ" характеромъ этой литературы. Апокрифическая литература бо́льшею частью говорила о тѣхъ же лицахъ и событіяхъ, о которыхъ говорили Библія, отцы церкви, патерики и прологи,—но съ такими подробностями, съ такими фантастическими прибавленіями, о которыхъ не знали ни Библія, ни творенія отцовъ и учителей церкви, ни вообще оффиціальныя христіанскія книги. Запрещавшіяся церковью, апокрифическія, „отреченныя" произведенія—„ихъ же не подобало чести, ни внимати"—вводили древнерусскаго читателя въ совершенно особый міръ: исторія ветхаго и новаго завѣта проходила здѣсь въ живыхъ, яркихъ иллюстраціяхъ; житія святыхъ пріобрѣтали черты, которыя часто переносили читателя чуть не въ сказочную обстановку, хотя и съ церковнымъ оттѣнкомъ, —въ особый міръ фантазіи, исключительную область поэзіи, гдѣ могли отдохнуть умъ и чувство древнерусскаго читателя, иногда можетъ быть слишкомъ утомленнаго преобладавшимъ характеромъ церковной письменности... Наконецъ, нашей древнѣйшей переводной литературѣ не вполнѣ была чужда и чисто свѣтская поэзія. Въ числѣ, повидимому, уже самыхъ первыхъ нашихъ „книгъ", пришедшихъ изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ, были такія произведенія свѣтской средневѣковой повѣсти, какъ „Книгы Александръ"—извѣстная *Александрія—Сказанія о Троянской войнѣ* и подобныя, чисто беллетристическія, произведенія, принадлежавшія

къ литературѣ совершенно „мірской“, дававшія обильную пищу естественной потребности и охотѣ къ занимательному чтенію, къ фантастическимъ и романтическимъ разсказамъ, вообще переносившія своего читателя въ міръ далекій отъ обычнаго міра монастырской письменности.

Соотвѣтственно широкому содержанію принесенной переводной литературы, вліяніе ея въ новой странѣ было какъ нельзя болѣе благотворно и могущественно. Масса новыхъ идей и понятій дѣйствуютъ на юное общество необычайно возбуждающе,—и быстро вызываютъ его, въ лицѣ его лучшихъ представителей, къ совершенно новой жизни. Въ странѣ уже скоро выступаетъ рядъ великихъ подвижниковъ, новыхъ „богатырей“, съ чудесами мужества уже другого рода,—быстро разцвѣтаетъ новый христіанскій эпосъ въ народномъ творчествѣ,—быстро возникаетъ туземная литература.

Неразрывно связанная съ христіанствомъ и пришедшей византійской книжностью,—возникающая мѣстная литература идетъ по слѣдамъ христіанства, одновременно и разомъ появляется въ самыхъ различныхъ пунктахъ начальной Руси. Важнѣйшіе административные и церковные центры Удѣльной Руси—наиболѣе ранніе центры и возникающей въ странѣ письменности. Раньше всего и болѣе широкимъ образомъ туземная литература возникаетъ въ предѣлахъ южной Руси, прежде всего—въ Кіевѣ, въ Великомъ княжествѣ Кіевскомъ, наиболѣе культурномъ центрѣ русскаго славянства, уже давно знакомомъ съ христіанствомъ. Въ Кіевѣ еще при Игорѣ († 945) видимъ христіанскій храмъ. Черезъ 40—50 лѣтъ по введеніи христіанства, близь Кіева, „на горахъ“, возникаетъ знаменитый Кіево-печерскій монастырь,—главный центръ просвѣщенія и литературы въ до-монгольской Руси. Уже рано выдается своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ и

книжностью княжество Туровское, лежавшее на сѣверо-западъ отъ Кіева; во второй половинѣ XII вѣка здѣсь выступаетъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ писателей-поэтовъ древней Руси, знаменитый Кириллъ Туровскій.... Довольно значительные признаки литературнаго развитія скоро обнаруживаются и въ землѣ Смоленской. Географическое положеніе княжества, сравнительная близость къ западной Европѣ, рано способствуютъ культурному развитію области. *Житіе Авраамія Смоленскаго*, связанное съ самыми ранними временами Смоленской области, ярко рисуетъ значительный уровень мѣстнаго просвѣщенія въ XII—XIII вв. Предполагаютъ, въ предѣлахъ Смоленской области находился и древній монастырь Зарубскій, — особый, повидимому, весьма значительный центръ начальнаго южнорусскаго просвѣщенія. Рано обнаруживаются ростки культурнаго развитія въ землѣ Галицко-Волынской, западной „украйнѣ“ древней Руси, лежавшей на западъ отъ Кіевскаго княжества. Во второй половинѣ XII в. въ обособившейся землѣ Галицкой княжитъ знаменитый Ярославъ Осмомыслъ († 1187). Одинъ изъ городовъ области, Владиміръ-Волынскій, своей красотой въ началѣ XIII в. приводитъ въ восторгъ современника: „така града, замѣчаетъ лѣтописецъ, не изобрѣтохомъ ни въ нѣмецкихъ странахъ“... По притокамъ Днѣпра, преимущественно Деснѣ и Сейму, расположена была земля Черниговo-Сѣверская, гдѣ рано обособляются княжества: Черниговское, Сѣверское и Муромско-Рязанское. Уже съ XI в. въ Черниговской области возникаютъ монастыри; въ Черниговѣ, прежде переселенія въ Кіевъ, подвизается будущій кіевопечерскій игуменъ, пр. Антоній. Изъ Чернигова, или вообще изъ земли Черниговo-Сѣверской, по нѣкоторымъ соображеніямъ, былъ родомъ извѣстный игуменъ Даніилъ, авторъ *Паломника*. Съ именемъ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря

(† 1202) связано величайшее произведеніе нашей древней литературы, знаменитое *Слово о полку Игоревѣ*, — хотя авторомъ его, повидимому, былъ кіевлянинъ.

Уже рано письменность начинаетъ прививаться и въ предѣлахъ сѣверной Руси, особенно въ наиболѣе культурномъ ея центрѣ—въ Новгородѣ. Съ Новгородомъ связанъ наиболѣе ранній памятникъ русской письменности, знаменитое *Остромирово Евангеліе* (1056—1057). Уже въ XI—нач. XII вв. возникаетъ близь Новгорода рядъ монастырей: Юрьевскій, Антоньевскій, Хутынскій... Верхнюю часть Волги и Оки занимала земля Ростовско-Суздальская, отдѣленная отъ Кіевской Руси непроходимыми лѣсами, почему города ея обыкновенно носили названіе „залѣсскихъ". Древнѣйшими городами здѣсь были Ростовъ, Суздаль, Владиміръ. Область представляла наиболѣе глухую часть начальной Руси; славянское язычество здѣсь сливалось съ финскимъ, и христіанство встрѣтило наиболѣе упорное сопротивленіе: два первые христіанскіе миссіонера вынуждены были покинуть область,—третій, св. Леонтій погибаетъ мученической смертью († 1077). Очень рано приходитъ въ суздальскую область съ христіанской проповѣдью Авраамій Ростовскій, основывающій здѣсь первый монастырь (въ концѣ X—нач. XI вв.). Признаки литературной дѣятельности начинаютъ обнаруживаться въ Ростовско-Суздальской области однако уже довольно рано. Уже въ XII вѣкѣ возникаетъ здѣсь особый циклъ мѣстныхъ житій святыхъ; очень рано возникаютъ мѣстныя лѣтописи,— о *лѣтописцѣ ростовскомъ*, до насъ не дошедшемъ, какъ о *старомъ*, упоминаетъ уже еп. Симонъ († 1231). Въ XII—XIII вв. Суздаль и Ростовъ—уже весьма замѣтные центры древнерусской книжности: лѣтописи упоминаютъ о цѣломъ рядѣ мѣстныхъ просвѣщенныхъ епископовъ и князей. По желанію мѣстнаго епископа, въ Ростовѣ въ 1219 г.

пишется замѣчательное лицевое (иллюстрированное) *житіе Нифонта*, сохранившееся до насъ,—одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ нашей начальной литературы... По западной Двинѣ лежало княжество Полоцкое. Исторія его за весь удѣльный періодъ довольно темна. Христіанство и письменность прививались въ его предѣлахъ, повидимому, очень туго, — по крайней мѣрѣ до насъ не дошло никакихъ указаній на мѣстную письменность. Тѣмъ сильнѣе процвѣтали здѣсь, кажется, различныя народныя преданія. Послѣднія особенно сосредоточиваются около личности полоцкаго князя Всеслава, княжившаго въ теченіе всей второй половины XI вѣка (1044—1098), правнука Владимира Св. отъ полоцкой княжны Рогнѣды. Имя Всеслава окружено самыми разнообразными разсказами,—подъ вліяніемъ которыхъ замѣтно находится и древнѣйшій кіевскій лѣтописецъ и авторъ „Слова о полку Игоревѣ".

Какъ уже нами замѣчено, обстоятельства самаго перваго возникновенія, тѣсныя связи съ литературой византійской и южнославянской—на цѣлый рядъ вѣковъ опредѣляютъ характеръ и направленіе древнерусской литературы.

На первомъ планѣ мы видимъ литературу почти исключительно компилятивную. Ближайшая зависимость отъ литературы византійской, болѣе или менѣе удачныя подражанія ей, извлеченія и отрывки — отличительная особенность большинства дошедшихъ до насъ произведеній нашей начальной письменности. Отсюда—господство въ ней съ первыхъ же моментовъ ея возникновенія всякаго рода сборниковъ или изборниковъ. Сборники составляютъ самый обширный отдѣлъ: это —наиболѣе господствующая, типичная литературная форма. На древнерусскихъ сборникахъ съ особой наглядностью сказывается основная черта нашей древней литературы—ея компилятивность. Здѣсь трудно провести рѣзкую грань между

переводомъ и оргинальнымъ сочиненіемъ, между своимъ и чужимъ, между авторомъ и „списателемъ“, компиляторомъ... Оставляя совершенно въ сторонѣ цѣлый рядъ спеціальныхъ сборниковъ, сводовъ того или другого спеціальнаго литературнаго матеріала—сборники библейскихъ книгъ, патристическіе, историческаго содержанія, такіе сборники, какъ прологи, патерики, четьи-минеи — рядъ сборниковъ такъ наз. типическихъ, представляющихъ собой извѣстный литературный типъ, извѣстную литературную физіономію,—въ настоящемъ случаѣ мы разумѣемъ преимущесттенно тѣ сборники, которые по своему крайне произвольному содержанію не подходятъ ни подъ какіе общіе типы, не представляютъ своимъ содержаніемъ цѣлаго, объединеннаго какой либо одной опредѣленной мыслью, не слѣдуютъ какому либо порядку въ своемъ внѣшнемъ составѣ, напротивъ, по своему составу—крайне случайны, съ содержаніемъ совершенно произвольнымъ, обусловливающимся исключительно личными вкусами составителей. Имѣемъ въ виду преимущественно тѣ древне-русскія компиляціи, составителями которыхъ было большинство немудрыхъ „списателей“, которые—„аки пчела, собирающая сладость словесную и разумъ отъ книгъ многихъ“—выписывали въ свою тетрадку изъ читавшихся ими книгъ разныя извлеченія и отрывки, большіе и малые, почему либо особенно показавшіеся важными, любопытными, выписывали безъ всякаго особаго порядка, какъ попадались они при чтеніи. Общей мыслью и цѣлью подобныхъ „сборовъ“ было—собрать для памяти въ одно все наиболѣе интересное, любопытное, что можетъ при случаѣ пригодиться... Весьма характернымъ для такихъ компиляцій является заглавіе извѣстнаго *Святославова Изборника 1073 года:* „Сборъ отъ многъ отецъ... вкратцѣ сложенъ на память и на готовъ отвѣтъ“... Интересъ выписокъ былъ исключительно

личный, частный, хотя выписки могли пригодиться не только для себя, но и другимъ—„на память“, на „готовъ отвѣтъ“. Отражая на себѣ особенно наглядно господствующую черту мѣстной письменности, ея компилятивность,—древнерусскіе сборники вмѣстѣ съ тѣмъ являются чрезвычайно любопытными въ другомъ отношеніи: на ихъ содержаніи и составѣ съ особой яркостью сказывается нерѣдко личность древнерусскаго читателя, его духовные интересы и вкусы, его запросы къ „книгѣ“...

При всей тѣсной связи съ литературой переводной, при всей своей компилятивности—русская туземная литература уже на первыхъ порахъ обнаруживаетъ въ себѣ признаки значительной самостоятельности. Возникающая по различнымъ областямъ удѣльной Руси литература —литература живого народа, не мертвая, безжизненная письменность. Въ этой туземной литературѣ уже скоро начинаетъ сказываться могучая энергія и сила. Широко, разомъ, во всѣхъ важнѣйшихъ, болѣе культурныхъ центрахъ пускаетъ ростки молодая письменность; на первыхъ же порахъ, въ первомъ же поколѣніи „крещеной Руси“ выступаетъ рядъ замѣчательныхъ писателей,—за которыми безъ сомнѣнія стоитъ несравненно болѣе многочисленный рядъ другихъ, менѣе замѣтныхъ, литературныхъ дѣятелей, о трудахъ которыхъ фактически говорятъ дошедшіе до насъ многочисленные анонимные сборники... Даровитые образованные писатели, выступающіе передъ нами уже въ первые два вѣка нашей письменности—далеко не случайные „ученики“ пришедшихъ грековъ - византійцевъ; равно и вся возникшая съ христіанствомъ туземная литература, тѣсно примыкая къ принесенной христіанствомъ письменности—въ то же время глубоко коренится въ мѣстной народной почвѣ, является тѣсно связанной съ духовной жизнью страны и уже рано пытается служить посильнымъ отвѣтомъ на культурныя потребности своего общества и народа...

Литература древнерусская, литература XI—XV вв., безспорно, стоитъ въ неразрывной связи съ литературой Византіи и южныхъ славянъ; но въ то же время эта литература—р у с с к а я, носившая на себѣ живые слѣды мѣстной умственной жизни, мѣстныхъ духовныхъ потребностей и интересовъ.

Возникающая по различнымъ областямъ туземная литература служитъ главнымъ образомъ ближайшей практической цѣли—научить людей, „како подобаетъ жити хрестьяномъ". Господствующей литературой являются п о у ч е н і я и п о с л а н і я о б щ е-х р и с т і а н с к а г о, о б щ е-м о р а л ь н а г о с о д е р ж а н і я,—л и т е р а т у р а д у х о в н а я, п о л у-м о н а с т ы р с к а я. Развивающаяся по различнымъ областямъ туземная литература своимъ господствующимъ характеромъ сохраняетъ на себѣ главн. образомъ черты, съ которыми впервые возникаетъ въ стѣнахъ Кіево-печерскаго монастыря. Почти исключительной своей цѣлью литература ставитъ дѣло христіанскаго просвѣщенія; ея господствующая, преобладающая масса сводится къ проповѣди. Почти исключительныя литературныя формы—„слова", „поученія", „посланія", „житія", „сказанія", „хожденія" ко св. мѣстамъ, или так. наз. „странники", „паломники" [„повѣсть" или „повѣсти", „слово"—имѣетъ впрочемъ широкое значеніе, прилагается одинаково и къ церковному поученію и къ поэтическому разсказу]. Общій взглядъ на цѣль и назначеніе „книги"—исключительно религіозный. Представители литературы—почти исключительно лица духовныя, епископы, монахи. „Міряне" почти совсѣмъ не выступаютъ на арену литературной дѣятельности—или очень рѣдко. Наиболѣе просвѣтительные литературные центры—монастыри; здѣсь же и первыя библіотеки...

Большинство этихъ „словъ" и поученій отличаются крайней простотой и безыскуственностью,—и въ этомъ отношеніи выгодно рисуютъ нравственный обликъ своихъ немудрыхъ составителей. Именно такія поученія, простыя и ясныя,

старавшіяся примѣниться къ духовнымъ потребностямъ и уровню умственнаго развитія поучаемой массы,—необходимѣе всего были для окружавшей языческой толпы. Изрѣдка проповѣдь касалась и современныхъ политическихъ обстоятельствъ. Несторъ упоминаетъ о подобныхъ сочиненіяхъ пр. Феодосія Печерскаго († 1074), не дошедшихъ до насъ: „Не престаше обличая его [в. кн. Святослава, за похищеніе имъ у брата, Изяслава, кіевскаго престола], ово *епистолія* пиша, посылаше къ нему; сице же и послѣ написа къ нему *епистолію* велику зѣло, обличая того“... Отъ XII в. между прочимъ сохранилось *Слово о князьяхъ* неизвѣстнаго проповѣдника,—гдѣ онъ обращается къ современнымъ удѣльнымъ правителямъ Русской земли: „Слышите, князья, противящіеся старшей братіи и рать поднимающіе и поганыхъ наводящіе на свою братію! Не обличитъ ли васъ Богъ на страшномъ судѣ?.. Вы одного слова стерпѣть брату не можете, за малую обиду смертоносную вражду поднимаете, призываете поганыхъ“... Иногда митрополитъ и вообще обращался къ ссорящимся князьямъ: „Молимъ васъ, не погубите Русской земли! Если будете воевать—поганые возьмутъ землю нашу“... Къ сожалѣнію, близостью къ жизни, простотой содержанія далеко не всегда отличалась наша начальная проповѣдь. Разумѣемъ рядъ полемическихъ посланій противъ латинянъ нашихъ первыхъ митрополитовъ-грековъ. Такія произведенія, какъ *Посланіе объ опрѣснокахъ* м. Леонтія († 1008), *Стязаніе съ латиною* м. Георгія († 1073), *Посланіе на латынь* и *Посланіе о латынѣ* м. Никифора († 1121) были, конечно, очень далеки отъ прямыхъ духовныхъ интересовъ массы, только что знакомившейся съ христіанствомъ, стояли далеко выше ея общаго развитія, и вообще съ гораздо бо́льшимъ правомъ могли явиться въ византійской литературѣ, чѣмъ въ только что возникавшей русской. Между тѣмъ всѣ эти „стязанія съ латиною“, повидимому, имѣли у насъ сильное вліяніе,—и уже рано вызываютъ подобныя же произведенія со сто-

роны древнерусскихъ грамотѣевъ. Уже въ ряду наиболѣе раннихъ нашихъ поучительныхъ сочиненій мы имѣемъ посланія *о постѣ въ среду и пятокъ* и *о вѣрѣ варяжской*, —два памятника, чрезвычайно характерные: посланія показываютъ, какъ рано мысль древнерусскаго грамотника начала придавать религіознымъ обязанностямъ столь исключительный обрядовой характеръ, какъ рано начала обнаруживать въ себѣ зачатки той религіозной нетерпимости, которая принимаетъ у насъ такіе размѣры нѣсколькими вѣками позднѣе. Неизвѣстный авторъ „Посланія о вѣрѣ варяжской" запрещаетъ православнымъ даже ѣсть и пить съ „латинянами" изъ одной посуды,—лишь въ крайнемъ случаѣ, когда не будетъ особаго сосуда, а католикъ будетъ умолять дать ему ѣсть и пить „Бога ради", можно дать ему и въ своемъ, только послѣ должно посудину вымыть и освятить...

Наиболѣе яркими образчиками быстрыхъ и благотворныхъ вліяній у насъ византійскаго просвѣщенія и литературы въ первые два вѣка въ области литературы проповѣдной являются *Слово* Иларіона, „писанія" Климента Смолятича, *поученія* Кирилла Туровскаго.

Въ лицѣ м. Иларіона [митрополитъ съ 1051 года] мы видимъ передъ собой человѣка не только необычайно даровитаго, надѣленнаго высокими ораторскими способностями, начитаннаго, но и человѣка „по настоящему образованнаго", не только основательно прошедшаго школу современнаго ему византійскаго ораторства, но—по отзыву позднѣйшаго церковнаго историка—и въ превзошедшаго въ значительной степени своихъ византійскихъ учителей. „Слово" Иларіона—одно изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ нашей начальной литературы, и вмѣстѣ яркое свидѣтельство быстро проникавшаго въ кіевскую Русь византійскаго образованія. Представителемъ этого, новаго на Руси, элемента является не только самъ авторъ, но и цѣлый кружокъ лицъ, къ которымъ онъ обращаетъ свое „Слово",—которыхъ онъ называетъ „не невѣду-

щими", но „преизлиха насыщьшимися сладости книжныя", кружокъ лицъ, которымъ хорошо „вѣдомы книги"... Кружокъ такой, слѣдов., уже въ это время — въ пол. XI вѣка— существовалъ въ Кіевѣ. Общій характеръ „Слова", какъ литературнаго памятника—аллегорія, символизмъ, литературные пріемы, обычные не только въ древней византійской проповѣди, но и вообще въ наиболѣе раннихъ произведеніяхъ христіанской литературы и искусства. Нельзя отказать русскому писателю и въ живомъ, непосредственномъ чувствѣ. Замѣчательно въ авторѣ неподдѣльное воодушевленіе, эта внутренняя радость, которою охваченъ онъ при видѣ духовнаго просвѣщенія родного народа; чрезвычайно любопытны въ русскомъ митрополитѣ и эти чувства національной гордости, съ которыми онъ вспоминаетъ о „старомъ Игорѣ" и „славномъ Святославѣ",—иже въ своя лѣта владычествующа, мужествомъ же и храбрьствомъ прослыша въ странахъ многихъ, и поминають нынѣ и словуть... Не въ чуждѣ бо и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша—съ гордостью прибавляетъ писатель—но въ русской, яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земли"... Изъ „многихъ писаній" Климента Смолятича († 1155) до насъ съ достовѣрностью дошло лишь одно; но и оно выгодно освѣщаетъ своего автора. Передъ нами—книжникъ, не только широко начитанный въ византійской литературѣ, но знакомый и съ мыслями древнихъ классическихъ писателей, съ Гомеромъ, философскими трудами Платона, Аристотеля. Уцѣлѣвшее *посланіе* Климента, по справедливому замѣчанію изслѣдователя, помимо характеристики, которую даетъ своему автору, имѣетъ для насъ и болѣе общее значеніе,—доказываетъ, что „наша древняя литература была значительно богаче памятниками сравнительно съ тѣмъ, сколько ихъ сохранилось нынѣ, что въ рядахъ авторовъ тогда числились имена, о которыхъ доселѣ ничего не было извѣстно, что русское общество XII вѣка, помимо произведеній строго духовныхъ, интересовалось также

свѣтскою греческою поэзіей и философіей“... Кириллъ Туровскій († въ кон. XII в.), „русскій Златоустъ“—является едва ли не замѣчательнѣйшимъ писателемъ всей нашей духовной литературы древняго періода. Его сочиненія даже въ XVII вѣкѣ „служили образцами для русскихъ книжниковъ“... Сочиненія Кирилла Туровскаго наглядно свидѣтельствуютъ о той силѣ вліянія, какую имѣли творенія Іоанна Златоуста на нашу юную, только что возникавшую литературу. Какъ уже давно замѣчено, сочиненія Кирилла Туровскаго — „не рабскія подражанія, а свободныя созданія въ томъ же стилѣ“... Ихъ отличительныя свойства—преобладаніе поэтическаго элемента надъ дидактизмомъ, живое, неистощимое воображеніе, образный, поэтическій, хотя мѣстами нѣсколько витіеватый, языкъ. Общее впечатлѣніе отъ произведеній Кирилла Туровскаго — впечатлѣніе художественныхъ, поэтическихъ произведеній. Любимый литературный пріемъ писателя—символизмъ. Кириллъ обладаетъ особеннымъ искусствомъ въ выборѣ сравненій, въ сближеніяхъ событій и явленій; у него особенная любовь къ иносказаніямъ, притчамъ, діалогу, стремленіе давать событіямъ прообразовательный характеръ. Не во всѣхъ произведеніяхъ, приписываемыхъ Кириллу Туровскому, въ одинаковой степени развиты указанныя черты—въ однихъ больше простоты, живого, непосредственнаго чувства, въ другихъ сильнѣе сказывается искусственность, витіеватость; но во всѣхъ одинаково чувствуется могучій, необычайно высокій для русскаго писателя XII вѣка, литературный талантъ церковнаго поэта....

Рядомъ съ первыми опытами литературы проповѣдной наиболѣе обширнымъ отдѣломъ нашей начальной оригинальной литературы являются житія святыхъ,—наиболѣе живое и яркое отраженіе господствовавшихъ въ обществѣ религіозно-аскетическихъ идеаловъ. Древнерусская литература житій святыхъ, сказаній о инокахъ и подвижникахъ, о чудес-

ныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ, особенно быстро и широко развивается въ Кіевѣ, вокругъ Кіево-печерскаго монастыря, —здѣсь возникаетъ наиболѣе ранній циклъ древнерусскихъ христіанскихъ легендъ. Первые мотивы сказаній—чудесное построеніе первой церкви въ Кіево-печерскомъ монастырѣ и столь поражавшіе современниковъ аскетическіе подвиги первыхъ кіево-печерскихъ иноковъ. Къ наиболѣе раннимъ памятникамъ этого рода принадлежатъ: *Повѣсть, чесо ради создася Печерскій монастырь*, внесенная потомъ въ „Начальную лѣтопись“, *Житіе Ѳеодосія*, написанное Несторомъ-„лѣтописцемъ“ [† ок. 1110 г.], *Посланія* сузд. еп. Симона († 1231), нѣкогда жившаго въ кіево-печерскомъ монастырѣ, и его современника, инока того же монастыря Поликарпа. *Житіе Ѳеодосія*, тѣсно связанное съ общимъ цикломъ религіозныхъ легендъ кіево-печерскаго монастыря, является наиболѣе раннимъ ихъ отраженіемъ въ литературѣ, и въ то же время даетъ яркую картину современнаго быта кіевской Руси и всей эпохи. Обширныя *посланія* Симона и Поликарпа вводятъ въ самый центръ богатой области кіево-печерскихъ легендъ, изображаютъ духовное величіе и славу этого монастыря, разсказываютъ о чудесахъ и видѣніяхъ, которыя предвѣщали созданіе печерскаго храма, о мастерахъ, чудесно присланныхъ для этого самой Божіей матерью изъ Царьграда, о живописцахъ, также чудесно присланныхъ оттуда въ монастырь, и т. д. и т. д.

Странствованія ко св. мѣстамъ, вездѣ и всегда считавшіяся глубоко-религіознымъ подвигомъ, получаютъ у насъ на первыхъ же порахъ введенія христіанства необыкновенно обширные размѣры, столь обширные, что уже въ XII вѣкѣ русскіе епископы считаютъ необходимымъ запрещать эти путешествія, подвергать ихъ ограниченіямъ,—такъ какъ они „губятъ Русскую землю“... На почвѣ странствованій ко св. мѣстамъ въ началѣ XII вѣка является у насъ одинъ

изъ характерныхъ памятниковъ нашей начальной литературы— *Хожденіе или Паломникъ* [1106—1107] игумена Даніила. Памятникъ чрезвычайно симпатично рисуетъ личность своего автора, его беззавѣтную, хотя нѣсколько наивную, вѣру, любовь къ родной „Русской землѣ“, весьма значительную начитанность, и—что особенно пріятно поражаетъ въ русскомъ малоизвѣстномъ игуменѣ—его чрезвычайную любознательность. Чтобы по возможности видѣть все лучше, обо всемъ разузнать изъ первыхъ рукъ, Даніилъ не щадитъ своихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ, лишь бы добыть себѣ лучшаго „вожа“, путеводителя, человѣка болѣе свѣдующаго... „Не возможно бо, замѣчаетъ онъ, безъ вожа ходити и безъ языка добрѣ испытати всѣхъ тѣхъ святыхъ мѣстъ“... Нельзя не замѣтить его стараній быть въ своихъ разсказахъ и описаніяхъ не только возможно болѣе обстоятельнымъ и точнымъ, но, по возможности, и болѣе понятнымъ для своихъ соотечественниковъ. Чрезвычайно трогательна эта заботливость русскаго путешественника о своихъ соотчичахъ, оставшихся на родинѣ,—которымъ не привелъ Богъ видѣть всего того, что̀ удалось видѣть ему самому. Для своихъ соотечественниковъ онъ и пишетъ свой *Паломникъ*,—„чтобы кто услышитъ о сихъ свв. мѣстахъ, потщился къ нимъ душою и мыслію“... Находясь далеко отъ родины, русскій путешественникъ нигдѣ не забываетъ о ней,—нигдѣ не покидаетъ его мысль о Русской землѣ и русскихъ людяхъ. Если составитель нашей „Начальной лѣтописи“, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, по выраженію позднѣйшаго историка—„панславистъ“; „исходитъ изъ идеи первобытнаго единства славянства“, то здѣсь, въ лицѣ автора *Паломника* передъ нами чисто русскій патріотъ. „Богъ свидѣтель и святой гробъ Господень, говоритъ Даніилъ въ послѣсловіи къ своему труду, что во всѣхъ тѣхъ св. мѣстахъ я не забылъ ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, но вездѣ поминалъ ихъ“... Какъ живого рисуютъ

передъ нами нашего благочестиваго путешественника тѣ страницы его разсказа, гдѣ онъ описываетъ, какъ онъ ставилъ на гробъ Господень кадило „отъ всей Русской земли"... Помимо общей занимательности описаній Даніила, популярность его „Хожденія" въ значительной степени объяснялась обиліемъ въ немъ разсказовъ легендарныхъ и апокрифическихъ. Подробно описывая свои посѣщенія различныхъ мѣстъ Св. Земли,—Даніилъ приводитъ при своихъ описаніяхъ всѣ тѣ легенды и апокрифическіе разсказы, различныя устныя преданія и подробности, которыя соединяются въ Палестинѣ съ тѣми или другими мѣстностями, именами и достопримѣчательностями, которыя ему передавали его „вожи", и что́ вообще ему удавалось слышать. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ приводитъ *плачъ Богородицы*,—въ другомъ мѣстѣ сообщаетъ апокрифическія подробности *о главѣ Адамовой* и т. п.

Наша начальная литература однако — не исключительно церковная, не замыкается исключительно въ монастырскихъ стѣнахъ, напротивъ, уже рано становится въ близкія связи съ окружающей общественной жизнью, съ „міромъ". Доказательствомъ тому служитъ между прочимъ наша *древнѣйшая лѣтопись*, или точнѣе, *цѣлый рядъ лѣтописей*, съ первыхъ же моментовъ письменности, какъ бы вдругъ, разомъ, возникающихъ у насъ по различнымъ областямъ „крещеной Руси". Господствующая въ литературѣ религіозная струя нерѣдко весьма замѣтно сказывается и здѣсь; но вообще содержаніе лѣтописи—уже общественное, „мірское". Изъ города, изъ среды „мірской", городской жизни, получаетъ лѣтопись для себя и постоянную поддержку, подкрѣпленіе, всѣ нужные матеріалы. „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть",—эти слова, стоящія въ заглавіи древнѣйшаго лѣтописнаго свода, какъ нельзя лучше подчеркиваютъ тѣсныя связи

начальной русской лѣтописи съ „мірской“ жизнью,—исходный пунктъ нашего древнѣйшаго лѣтописца, „мірскіе“ вопросы, отвѣтить на которые онъ ставитъ себѣ цѣлью. Начальныя русскія лѣтописи отвѣчали интересамъ окружающаго общества, писались для „міра“, преимущественно городского, дружиннаго, а не для монастыря. Если бы лѣтопись явилась дѣломъ исключительно инока, отшельника, если бы она не была выраженіемъ нуждъ и потребностей чисто общественныхъ, „мірскихъ“,—совсѣмъ иначе опредѣлились бы и ея задачи и характеръ: основными своими вопросами инокъ поставилъ бы вопросы по преимуществу церковные... Между тѣмъ взглядъ лѣтописца гораздо шире; его вниманіе устремляется на изображеніе событій и дѣлъ по преимуществу „мірскихъ“, политическихъ,—онъ заноситъ на свои страницы цѣлый рядъ чисто гражданскихъ актовъ, весьма важныхъ для князя или дружинника, для гражданской исторіи государства, но не представляющихъ особаго интереса для монастыря, для инока...

Это не значитъ, однако, что древнерусскія лѣтописи были дѣломъ чисто городскимъ, и велись внѣ монастырей. *Лѣтописныя замѣтки* были вообще любимымъ занятіемъ нашихъ древнихъ книжниковъ,—и являются едва ли не самыми ранними памятниками нашей письменности, скрываясь отъ насъ уже въ X—XI вв. Замѣтки этого рода велись и частными лицами, записывавшими себѣ „для памяти“ отдѣльныя событія, совершавшіяся въ отечествѣ, и учрежденіями, при церквахъ и монастыряхъ; очень рано различныя лѣтописныя замѣтки стали дѣлаться при книжескихъ дворахъ: лѣтопись получаетъ оффиціальное значеніе, важное для княжеской власти, какъ единственная историческая запись, какъ основной источникъ воспоминаній и справокъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи чрезвычайно любопытна дошедшая до насъ отъ 1289 года одна *грамота* волынскаго князя Мстислава,—изъ грамоты обнаруживается, что при

рѣ этого князя велись какія-то оффиціальныя двозаписи [„лѣтописецъ“], какъ будто имѣвшія политическое значеніе. Наказавъ жителей Берестья за крамолу, Мстиславъ прибавляетъ въ грамотѣ: „а вписалъ есмь въ лѣтописецъ коромолу ихъ“... Естественно,—первичныя лѣтописныя замѣтки чаще всего носили мѣстный характеръ; рядомъ съ событіями, важными для всей земли, первоначальные лѣтописцы въ свои записи вносятъ преимущественно дѣла своего края, своей области, княжества. Съ теченіемъ времени отрывочныхъ мѣстныхъ записей накопился такой запасъ, записи эти были такъ разбросаны и разнообразны, что въ книжной средѣ должна была возникнуть сама собой мысль собрать ихъ въ одно, свести въ цѣлый сплошной погодный разсказъ о всей землѣ, добавивши свѣдѣніями за позднѣйшіе годы и подвергнувъ собранный матеріалъ общей объединительной редакціи. Такъ получили начало болѣе или менѣе обширные лѣтописи своды,—которые относились уже ко всей русской землѣ и составлялись изъ записей древнихъ, первичныхъ болѣе поздними бытописателями. При дальнѣйшей перепискѣ сдѣланные своды вновь сокращались или расширялись, пополнялись новыми извѣстіями и вставками, распространялись цѣлыми сказаніями объ отдѣльныхъ лицахъ и событіяхъ, изъ житій святыхъ и другихъ статей,—лѣтопись получала видъ систематическаго лѣтописнаго сборника разнообразнаго матеріала, гдѣ отдѣльныя краткія погодныя замѣтки чередовались съ пространными разказами и цѣлыми вставками, повѣстями и сказаніями разныхъ авторовъ, оффиціальными дипломатическими документами и чисто литературными памятниками,—въ родѣ *Поученія дѣтямъ* Владимира Мономаха или *поученій* Феодосія Печерскаго, все это приводилось или въ цѣльномъ видѣ или въ открывкахъ, при чемъ иногда два совершенно различные памятника спутываются въ одинъ, и т. д. и т. д. Первичныя записи, веденныя въ различныхъ мѣстахъ до-монголь-

ской Руси почти всѣ погибли; до насъ дошли лишь позднѣйшіе составленные изъ нихъ лѣтописныя своды. Именно такимъ сводомъ является и древнѣйшая дошедшая кіевская лѣтопись—такъ наз. *Лѣтопись Нестора* или *Начальная лѣтопись*, древнѣйшее имѣющееся у насъ повѣствованіе объ историческихъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ за IX—X—XI—и нач. XII вв. [по 1110 годъ], какъ читается это повѣствованіе въ уцѣлѣвшихъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, изъ которыхъ наиболѣе ранніе: такъ наз. сѣверный, суздальскій сводъ [въ Лаврентьевскомъ спискѣ 1377 года] и такъ наз. сводъ южно-русскій [въ спискѣ Ипатьевскомъ, конца XIV—нач. XV].

Наша *Начальная лѣтопись* своимъ содержаніемъ, характеромъ, общимъ составомъ—рѣзко выдѣляется изъ господствующей массы современной духовной литературы, и при всемъ своемъ сводномъ характерѣ является замѣчательнымъ произведеніемъ чисто литературнымъ. Неизвѣстный составитель этого свода—имъ былъ, повидимому, Сильвестръ, игуменъ сосѣдняго съ Кіевомъ, Выдубицкаго монастыря—своимъ литературнымъ образованіемъ, широтой историческихъ взглядовъ, выступаетъ достойнымъ современникомъ кіевскаго митр. Иларіона и туровскаго „Златоуста", Кирилла. Нашъ неизвѣстный кіевскій бытописатель поражаетъ широтой историческаго кругозора, обширностью источниковъ, общей силой литературнаго таланта. Извѣстна восторженная характеристика, которую дѣлаетъ „Нестору" Шлецеръ: въ сравненіи съ западными средневѣковыми лѣтописями, русскій „Несторъ" казался Шлецеру явленіемъ феноменальнымъ, какъ представитель національной литературы. Эта оцѣнка въ сущности остается вѣрной и для настоящаго времени. „Несторъ"—разумѣемъ подъ этимъ древнѣйшій дошедшій до насъ кіевскій сводъ нашей *Начальной лѣтописи*—останется навсегда замѣчательнымъ явленіемъ древней русской письменности,—„подобнаго которому не представляетъ ни одна

изъ остальныхъ славянскихъ литературъ и съ которымъ не могло стать въ уровень ни одно изъ дальнѣйшихъ проявленій самой старой русской книжности"... Въ авторѣ нашей „Начальной лѣтописи" не можетъ и теперь не поражать изслѣдователя этотъ „широкій взглядъ съ ясной исторической перспективой, это живое, сознательное отношеніе къ историческому преданію",—черты, которыхъ древнерусскій книжникъ не всегда могъ заимствовать изъ своихъ византійскихъ образцовъ. Кіевскій лѣтописецъ составляетъ себѣ цѣлую картину древности русскаго народа,—первоначальнаго происхожденія и древнѣйшей судьбы славянскаго племени, его дѣленія на болѣе мелкія мѣстныя племенныя группы, первобытныхъ нравовъ этихъ мелкихъ племенъ, перваго утвержденія общей княжеской власти, дѣйствій и подвиговъ первыхъ князей, крещенія Руси и т. д. При всемъ этомъ онъ старается быть точнымъ,—онъ знаетъ, какъ важно правильно „положить числа", установить хронологію, онъ знаетъ, что для исторіи можно воспользоваться народнымъ преданіемъ, но нужно относиться къ нему осторожно, не всему вѣрить—инымъ преданіямъ онъ, конечно, и самъ вполнѣ вѣритъ, и тогда вноситъ ихъ какъ фактъ. Онъ изображаетъ языческіе нравы народа, чтобы дать понятіе о до-христіанскомъ бытѣ; перечисляетъ славянскія племена, близкія и дальнія, объясняетъ народныя передвиженія и т. д." Въ составителѣ древнѣйшаго дошедшаго до насъ кіевскаго лѣтописнаго свода позднѣйшій историкъ видитъ „ученаго книжника", владѣющаго „широкимъ знакомствомъ съ иноземными и своими источниками", съ „способомъ пользованія ими", съ „проблесками критической мысли"... „Куча разнохарактернаго матеріала" расположена „по плану, выработанному путемъ соображенія разнородныхъ данныхъ, подвергнута переработкѣ по извѣстнымъ пріемамъ", „съ участіемъ критической разборчивости", съ попытками къ „прагматическому" объединенію явленій разновременныхъ, но однородныхъ, съ освѣщеніемъ собран-

ного матеріала „руководящей исторической идеей“... [Ключевскій].

Не смотря на сводный, мѣстами какъ бы механически-компилятивный характеръ, — наша древнѣйшая лѣтопись отражаетъ на себѣ живыя черты эпохи, къ которой принадлежитъ ея авторъ, среди которой дошедшій сводъ возникъ и составленъ, и вообще носитъ на себѣ живыя черты личныхъ взглядовъ составителя, особенностей его міровоззрѣнія, его личныхъ чувствъ и т. п., отражаетъ на себѣ черты всей „внутренней стороны“ изображаемой дѣйствительности... Взгляды автора начальнаго свода, конечно—общіе взгляды нашихъ древнихъ книжниковъ, даже цѣлаго ряда книжниковъ, труды которыхъ внесены въ сводъ. Личность еще не выдѣлялась рѣзко изъ общей массы, и взгляды одного болѣе или менѣе точно выражали взгляды и понятія всѣхъ... Замѣчательна начитанность нашего начальнаго бытописателя, обиліе тѣхъ источниковъ, которыми онъ пользуется въ своемъ сводѣ, а равно самостоятельность, съ которой онъ къ нимъ относится. Любопытны отношенія составителя свода къ его византійскимъ источникамъ, къ этимъ рано перешедшимъ къ намъ византійскимъ хроникамъ и хронографамъ. Составитель свода пользуется лучшими изъ нихъ,—произведеніями Георгія Амартола [IX вѣка, съ продолж. до пол. X в.] и Іоанна Малалы [VII—VIII в.], особенно первымъ. Обширность *хроники* Амартола, громоздкость заключающагося въ ней матеріала—не подавляютъ нашего лѣтописца; но не можетъ византійскій источникъ и не подчинить себѣ древнерусскаго книжника. По всему своду проходятъ историческія воззрѣнія хронографа Георгія Амартола. Для составителя нашего свода хронографъ этотъ служитъ „не только источникомъ извѣстій, касавшихся Руси, Византіи и южныхъ славянъ, но и направителемъ историческаго мышленія“... Съ полной самостоятельностью выбирая лишь нужное, лѣтописецъ пользуется

длиннымъ рядомъ другихъ своихъ источниковъ, помимо византійскихъ—южно-славянскими и туземными. Позднѣйшій историкъ подчеркиваетъ „тщательность, съ какой составитель свода старается воспользоваться для своего труда всѣмъ наличнымъ запасомъ русской повѣствовательной письменности“... Очень многіе изъ мѣстныхъ источниковъ, отдѣльныхъ историческихъ повѣстей и сказаній, которыми пользуется составитель свода, не дошли до насъ въ отдѣльномъ видѣ, возстановляются лишь путемъ тщательнаго научнаго анализа; въ этомъ отношеніи дошедшій до насъ кіевскій лѣтописный сводъ имѣетъ особую цѣну—указываетъ намъ цѣлый рядъ произведеній нашей начальной письменности, до насъ несохранившихся, является архивомъ, въ которомъ уцѣлѣли, конечно, болѣе или менѣе измѣненными, значительные остатки погибшихъ произведеній нашей начальной литературы....

Въ числѣ многочисленныхъ источниковъ, которыми пользуется составитель нашего древнѣйшаго свода, весьма видное мѣсто занимаютъ, какъ мы видѣли, народныя поэтическія преданія, отзвуки тѣхъ „бояновыхъ пѣсенъ“, о которыхъ упоминаетъ авторъ „Слова о полку Игоревѣ“, и которыя являются передъ нами живыми отзвуками мѣстной народной поэзіи,—новая черта, связывающая русскую лѣтопись съ средой болѣе общественной, „мірской“... Кіевская народная сага, по замѣчанію проф. Ключевскаго, „проходитъ яркой нитью, какъ одинъ изъ основныхъ источниковъ свода, по IX и всему X вѣку; слѣды ея замѣтны даже въ началѣ XI столѣтія,—въ *разсказѣ о борьбѣ Владимира съ печенѣгами*... По этимъ уцѣлѣвшимъ въ сводѣ обломкамъ кіевской былины можно заключать, прибавляетъ историкъ, что къ половинѣ XI вѣка уже сложился въ кіевской Руси цѣлый циклъ историко-поэтическихъ преданій, главное содержаніе которыхъ составляли походы Руси на Византію“...

Чтó особенно важно въ Сильвестровскомъ сводѣ, чтó составляетъ основаную почву изложенія всей *Начальной лѣтописи*, это—идея, которою составитель свода освѣщаетъ начало нашей исторіи, идея славянскаго единства. „Составитель потому такъ и занятъ этнографіей, говоритъ проф. Ключевскій — что хочетъ собрать всѣ части славянства, указать ихъ настоящее международное мѣсто и найти связи, ихъ соединяющія. Описавъ разселеніе славянъ, онъ замѣчаетъ: „тако разыдеся словеньскій языкъ; тѣмже и грамота прозвася словеньская“. Она и была одною изъ такихъ связей... Былъ одинъ языкъ славянскій—славяне дунайскіе, покоренные венграми, морава, чехи, ляхи и поляне-Русь. Первѣе всего моравѣ дана была грамота славянская, которая теперь на Руси и у болгаръ дунайскихъ. Меѳодій былъ епископомъ въ Паннопіи, на столѣ апостола Андроника, ученика апостола Павла. А апостолъ Павелъ училъ въ Иллиріи, гдѣ прежде были славяне. Стало быть, и славянству учитель Павелъ; а мы Русь то же славяне; стало быть, Павелъ и намъ Руси учитель. А славянское племя и русское—одноплемя: отъ варяговъ прозвались Русью, а изначала были славяне; только звались полянами, а говорили по-славянски; звались полянами, потому что въ полѣ сидѣли, а языкъ у нихъ одинъ съ другими славянами... Такой діалектической цѣпью умозаключеній и такъ настойчиво мыслящій русскій книжникъ начала XII в. прицѣплялъ свое темное отечество не только къ семьѣ славянскихъ народовъ, но и къ апостолическимъ представленіямъ христіанства. Замѣчательно, что въ обществѣ, гдѣ сто лѣтъ съ чѣмъ-нибудь назадъ еще приносили идоламъ человѣческія жертвы, мысль уже училась подниматься до сознанія связи міровыхъ явленій. Идея славянскаго единства въ началѣ XII в., прибавляетъ историкъ, требовала тѣмъ бóльшаго напряженія мысли, что совсѣмъ не поддерживалась современной дѣйствительностью. Когда на берегахъ Днѣпра

эта мысль выражалась съ такой вѣрой или увѣренностью, славянство было разобщено и въ значительной части своего состава порабощено: Моравская держава была разбита венграми еще въ началѣ X в., первое Болгарское царство—Византіей въ началѣ XI в., полабскіе и прибалтійскіе славяне уступали нѣмецкому народу и вмѣстѣ съ чехами и поляками католическому вліянію“... Какъ мы уже имѣли случай отмѣтить,—составитель *Начальной лѣтописи* кажется названному позднѣйшему историку „панславистомъ“; „исходя изъ своей идеи первобытнаго единства славянства, состоятель свода прежде всего старается связать раннія судьбы родной Руси съ общей исторіей славянъ“...

Путемъ необычайно тонкаго научнаго анализа тотъ же историкъ въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ доказываетъ, что три особыхъ, отдѣльныхъ памятника нашей начальной исторической литературы, повидимому, наиболѣе ранніе и не дошедшіе до насъ въ своемъ подлинномъ видѣ, — легли въ основаніе Сильвестровскаго свода: 1] древнѣшая *Кіево - печерская лѣтопись*, принадлежавшая Нестору, русскому писателю конца XI — нач. XII вв., иноку кіево-печерскаго монастыря; 2] *Повѣсть временныхъ лѣтъ*, первые листы Сильвестровскаго свода, которые такъ долго считались произведеніемъ того же Нестора и заглавіе которыхъ переносились на все содержаніе свода, и 3] *Сказаніе о крещеніи Руси при Владимирѣ*, очевидно, также не принадлежавшее первоначальному лѣтописцу и вставленное въ сводъ его составителемъ. Какъ предполагаютъ позднѣйшее изслѣдователи, *Кіево-печерская лѣтопись*, принадлежавшая Нестору, начиналась съ событій, совершившихся задолго до появленія лѣтописца въ кіево-печерскомъ монастырѣ, куда онъ вступилъ не ранѣе 1074 года, и кончалась 1110-мъ годомъ. До половины XI-го вѣка въ Сильвестровскомъ сводѣ не встрѣчается слѣдовъ этого первоначальнаго кіевскаго лѣтописца; краткія, вскользь оброненныя упоминанія о его личности начинаютъ попа-

даться лишь со втор. пол. вѣка. Лѣтописецъ былъ еще живъ въ 1106 году: подъ этимъ годомъ онъ упоминаетъ о старцѣ Янѣ, жившемъ 90 лѣтъ,—„отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаніи семъ“, прибавляетъ авторъ лѣтописи. *Лѣтопись* Несторъ, очевидно, писалъ такъ же, какъ написалъ *Житіе Θеодосія*, котораго онъ не зналъ при жизни—по разсказамъ знающихъ людей, очевидцевъ событій. „Печерскій монастырь, замѣчаетъ проф. Ключевскій, былъ средоточіемъ, куда притекало все властное и вліятельное въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, все, что́ дѣлало тогда исторію Русской земли: князья, бояре, епископы, съѣзжавшіеся на соборъ къ кіевскому митрополиту, купцы, ежегодно проходившіе по Днѣпру мимо Кіева въ Грецію и обратно. Янъ, бояринъ, бывшій кіевскимъ тысяцкимъ, другъ и чтитель преп. Θеодосія и добрый знакомый лѣтописца, сынъ Вышаты, которому Ярославъ I поручалъ большія дѣла,—одинъ этотъ Янъ Вышатичъ, умершій въ 1106 году 90 лѣтъ отъ роду, былъ для лѣтописца живой столѣтней лѣтописью, отъ которой онъ слышалъ „многа словеса“, записанныя имъ въ своей лѣтописи. Всѣ эти люди приходили въ монастырь преп. Θеодосія за благословеніемъ предъ началомъ дѣла, для благодарственной молитвы по окончаніи, молились, просили иноческихъ молитвъ, жертвовали отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на строеніе монастырю, разсказывали, размышляли вслухъ, исповѣдуя игумену и братіи свои помыслы. Печерскій монастырь былъ собирательнымъ фокусомъ, объединявшимъ разсѣянные лучи русской жизни, и при этомъ сосредоточенномъ освѣщеніи наблюдательный инокъ могъ видѣть тогдашній русскій міръ многостороннѣе, чѣмъ кто-либо изъ мірянъ“... *Повѣсть временныхъ лѣтъ* — связная и цѣльная повѣсть, лишенная лѣтописныхъ пріемовъ. *Повѣсть* начинается библейскими сказаніями, и вообще составлена по образцу византійскихъ хронографовъ, на одинъ изъ которыхъ она указываетъ,

Хронографъ Георгія Амартола, какъ на свой ближайшій источникъ. Рядомъ съ вліяніемъ византійскихъ хроникъ, хронографовъ, въ *Повѣсти* нельзя не видѣть живыхъ отголосковъ народныхъ преданій, окружавшихъ русскаго лѣтописца,—эти отголоски довольно отчетливы напр. въ *преданіи о нашествіи аваровъ... Повѣсть временныхъ лѣтъ* составляла первоначально одинъ сплошной разсказъ; неудачно поставленныя хронологическія размѣтки, очевидно, не принадлежатъ автору и сдѣланы позднѣйшей рукой. По нѣкоторымъ соображеніямъ, можно думать, *Повѣсть* составлена не позже смерти Ярослава, т. е. до 1054 года, и слѣд. не могла принадлежать кіевскому лѣтописцу Нестору. Цѣль, которую ставитъ себѣ неизвѣстный авторъ *Повѣсти*, обнаруживается изъ заглавія: *Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть.* Авторъ так. образомъ хочетъ разсказать, какъ началась Русская земля,—и выполненіе обѣщанія, даннаго повѣствователемъ, кажется, нужно видѣть въ слѣдующихъ его словахъ, при разсказѣ объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ въ 882 г.: „Бѣша у него варязи и словени и прочи, прозвашася Русью“... Вотъ и отвѣтъ на то, „откуду есть пошла Русская земля“,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно думать, конецъ *Повѣсти.* Призваніе князей и утвержденіе Олега въ Кіевѣ—повидимому, главные моменты повѣствованія... *Сказаніе о крещеніи Руси при Владимирѣ*—также, очевидно, не принадлежитъ начальному лѣтописцу, лишено лѣтописныхъ пріемовъ и вставлено въ сводъ его составителемъ. *Сказаніе* отличается полемической окраской, желаніемъ охулить всѣ вѣры, кромѣ православной. По нѣкоторымъ соображеніямъ, *Сказаніе* составлено въ самымъ первыхъ годахъ XII в. [послѣ 1099 г.]. Основнымъ источникомъ служило какое-то древнее *Житіе св. Владимира*—и „не успѣвшія завянуть“ живыя народныя преданія объ этомъ князѣ...

Наша *Начальная лѣтопись*—не единственный памятникъ, свидѣтельствующій о зачаткахъ „мірского“, общественнаго элемента въ нашей начальной литературѣ. Эти зачатки являются вообще довольно значительными. Разумѣемъ такія произведенія нашей начальной письменности, какъ *Поученіе дѣтямъ* Владимира Мономаха († 1125) и *Моленіе Даніила Заточника.* Два эти памятника являются въ нашей молодой, возникающей литературѣ, какъ бы первыми проявленіями публицистики... Высокій идеалъ князя-правителя, выдвигаемый авторомъ „Поученія“, дѣлаетъ этотъ памятникъ —дошедшій до насъ, къ сожалѣнію, въ сильно искаженномъ видѣ—особенно замѣчательнымъ. „Поученіе“ служитъ показателемъ того, уже весьма значительнаго общекультурнаго роста, какой сдѣланъ былъ лучшими отдѣльными представителями русскаго общества уже къ концу XII вѣка... Извѣстны черты, которыми рисуются въ лѣтописи лучшіе изъ русскихъ князей, современниковъ Мономаха: большинство изъ нихъ—еще очень далеки отъ того идеала, какой выдвигаетъ авторъ „Поученія“. Въ средѣ большинства тогдашнихъ русскихъ князей—а съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, и въ самомъ обществѣ—долгое время было еще очень мало сознанія высокихъ обязанностей правителя: князья не чувствуютъ своей нравственной связи съ землей, съ тѣмъ княженіемъ, которое они себѣ „добываютъ“; лучшіе изъ нихъ—„удальцы“, былинные богатыри, „поляницы удалые“, заняты исключительно заботой о личныхъ подвигахъ, личной удали. Чувство гражданственности далеко не всегда пробивается даже въ лучшихъ представителяхъ общества, князьяхъ—и Русская земля „гибнетъ въ княжьихъ крамолахъ“... Въ своемъ „Поученіи“ Мономахъ впервые или однимъ изъ первыхъ высказываетъ великую мысль, что грандіозные подвиги „богатыря“, „удалой поляницы“—важны не сами по себѣ, а по той пользѣ, какую они приносятъ обществу, что у князя-правителя есть не только права, но и обязанности.

По идеалу Мономаха, князь не долженъ отдѣлять своихъ личныхъ выгодъ отъ выгодъ „земли", населенія,—долженъ заботиться не о дружинѣ только, но и о „убогихъ", о „вдовицахъ",—„не давать сильнымъ погубити человѣка"... Идеаломъ князя, по взгляду Мономаха, должно быть — не „любо налѣзти собѣ славы, любо сложити свою голову за Русскую землю", а заботы о гражданскомъ преуспѣяніи этой Русской земли, о ея культурномъ благѣ, „добрѣ",—о чемъ такъ заботился самъ Мономахъ... „Добра хочу братіи и Русской землѣ"—влагаетъ въ его уста лѣтописецъ. Сознаніе этой мысли было громаднымъ шагомъ впередъ по пути общественнаго развитія, и отраженіе въ разбираемомъ памятникѣ этого поступательнаго движенія—наиболѣе цѣнная его черта.

„Моленіе Даніила Заточника", по общему своему содержанію и характеру, также рѣзко отличается отъ господствовавшаго монастырскаго характера современной ему литературы. Содержаніе „Моленія"—чисто „мірское", общественное. Памятникъ затрогиваетъ цѣлый рядъ существенныхъ сторонъ современной русской общественности: взаимныя отношенія князя и дружины, отношенія князя къ населенію, особенно тіуновъ княжескихъ, взаимныя отношенія между собой дружинниковъ, говоритъ о дурныхъ княжескихъ „совѣтникахъ", „думцахъ", „злыхъ женахъ"—очевидно, допуская возможность ихъ вліянія на князя, и т. д. и т. д. Публицистическій характеръ памятника какъ нельзя лучше оттѣняется его внѣшней формой, общимъ шутливо-юмористическимъ тономъ изложенія, непосредственнымъ обращеніемъ автора къ области народной поэзіи, употрелленіемъ народныхъ поговорокъ, притчъ, пословицъ...

Возникшая въ странѣ на почвѣ христіанства и византійской письменности начальная литература своимъ господствующимъ, преобладающимъ характеромъ—самымъ рѣшительнымъ образомъ порываетъ всякія связи съ ста-

рой языческой поэзіей народа, съ старыми народными миѳами, пѣснями, сказками, со всѣмъ міромъ стараго язычества, стараго до-христіанскаго народнаго творчества. При общемъ религіозномъ направленіи возникшей письменности, при господствѣ столь быстро возобладавшихъ въ обществѣ религіозныхъ, монастырскихъ идеаловъ,—конечно, и не могло быть рѣчи о какихъ-либо связяхъ новой письменной литературы съ старой языческой поэзіей. Дѣло могло идти, напротивъ, лишь о возможно бо́льшемъ разрывѣ, отрѣшеніи отъ всего, чѣмъ жилъ народъ духовно до этого момента, отъ всѣхъ его прежнихъ до-христіанскихъ воззрѣній и вѣрованій. Область старой народной поэзіи, міръ старыхъ языческихъ вѣрованій навсегда теряли свое не только первенствующее, но и всякое вообще мѣсто — въ томъ новомъ строѣ идей, которому отнынѣ принадлежало оффиціальное господство, съ которымъ теперь связано было все дальнѣйшее духовное развитіе страны. Старыя поэтическія сказанія должны были отойти далеко отъ „книги",—затаиться въ глубинѣ народной массы... Возникшая въ странѣ христіанская литература вообще лишена поэзіи, произведеній свободнаго поэтическаго творчества, изящной беллетристики. Все, что́ допускалось въ этой сферѣ, носитъ тотъ же духовный, религіозный характеръ,—является въ формѣ легендъ, сказаній, съ преобладаніемъ обычнаго христіанскаго поученія, съ исключительно религіозными, далекими отъ „міра", идеалами. „Литературы" въ собственномъ смыслѣ слова, литературы поэтической, съ обычно-житейскимъ, „мірскимъ" содержаніемъ мы не видимъ у себя—ни теперь, при самомъ возникновеніи, ни послѣ, на длинномъ протяженіи цѣлыхъ вѣковъ—или подобные проблески крайне случайны, рѣдки. Струя свѣтскаго, „мірского" содержанія во всей нашей древней литературѣ, до самаго XVIII вѣка, вообще крайне слаба, пробивается лишь изрѣдка, мѣстами,—совершенно теряясь среди господствующаго цер-

ковнаго характера, среди того огромнаго большинства произведеній, которое составляетъ въ эти вѣка „литературу“ читающаго общества. Интересы и потребности въ сферѣ чисто литературной, поэтической за очень долгій періодъ времени находятъ себѣ удовлетвореніе крайне несложными, самыми примитивными средствами,—чаще всего литературными произведеніями случайно заходящими со стороны, почти исключительно переводными, да и эти „свѣтскія“ повѣсти и сказанія нерѣдко передѣлываются въ томъ же, все нивеллировавшемъ, религіозномъ стилѣ... „Поэзія“, свободное поэтическое творчество народа въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ не проникаетъ въ древнерусскую „книгу“,—не составляетъ въ этой „книгѣ“ обычнаго, господствующаго явленія—да этой поэзіи въ „книгѣ“ и не искали... Древнерусская „книга“ должна была открывать лишь „пути покаянія“, учить лишь тому, „како подобаетъ жити хрестьяномъ“,—она стремится держать читателя исключительно въ предѣлахъ христіанскаго поученія, за стѣнами монастырской ограды, заставляетъ смотрѣть на все, что находилось внѣ этой ограды, какъ на нѣчто грѣховное, „плотское“... „Міръ“, „мірское“, по воззрѣніямъ книжныхъ людей, съ первыхъ же поръ дѣлается синонимомъ грѣховнаго, пагубнаго. Наиболѣе образованные и близкіе къ литературѣ люди живутъ исключительно интересами религіозными, даже болѣе—монашескими, интересуются и поддерживаютъ исключительно литературу духовную, монастырскую; той же литературой почти исключительно питается и остальное читающее общество, а равно и—низшая народная масса...

Таково—общее, господствующее теченіе возникающей въ странѣ литературы,—ея преобладающія, доминирующія особенности. Эти господствующія черты не исключаютъ однако вполнѣ и другихъ, имъ противоположныхъ.

При всемъ преобладаніи духовнаго, монастырскаго характера—въ возникающей литературѣ нельзя не подмѣтить мѣстами и живыхъ связей съ старой народной поэзіей. Послѣдняя, при всѣхъ запретахъ, изрѣдка все же проникаетъ въ древне-русскую „книгу". Не только масса, не только „невѣжи", но и „вѣжи"—лучшіе, болѣе развитые представители общества—не могутъ вдругъ, разомъ, отрѣшиться отъ стараго: общее народное міросозерцаніе, вся эпоха, особенно въ началѣ—еще слишкомъ близки къ старому язычеству, духовная атмосфера еще вся сплошь слишкомъ насыщена старой до-христіанской „лестью идольской", и отъ вліянія этой „лести" часто не могутъ освободиться самые строгіе „списатели" и „книгочьи"... Монастырская, оффиціальная письменность не давала сколько нибудь свободнаго развитія народной до-христіанской поэзіи, не оставляла ей никакого выхода,—но поэзія эта была въ народѣ столь сильнымъ ключомъ, что иногда, помимо воли самихъ благочестивыхъ авторовъ, ощутительно проникаетъ въ ихъ писанія, настойчиво просачивается въ область господствующей монастырской письменности...

Мы видѣли, многіе листы *Начальной лѣтописи* — сплошной рядъ старыхъ народныхъ преданій и разсказовъ; въ *Моленіи Даніила Заточника* передъ нами рядъ народныхъ пословицъ и притчъ. Отдѣльныя поэтическія страницы нерѣдко встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ древнерусской письменности. Самымъ дорогимъ перломъ древнерусской поэзіи, за весь долгій періодъ нашей старой литературы, является знаменитое *Слово о полку Игоревѣ*.

Предметъ *Слова*—походъ Игоря Святославича, мелкаго новгородъ-сѣверскаго князя, противъ половцевъ, въ 1185—1186 гг. Произведеніе составлено почти вслѣдъ за событіемъ. Авторъ *Слова* твердо стоитъ на почвѣ исторіи, рука объ руку идетъ съ лѣтописцемъ. Памятникъ почти ни на шагъ не отступаетъ отъ лѣтописи,—факты передаются тамъ

и здѣсь, можно сказать, съ тожественной вѣрностью. Авторъ въ самомъ началѣ произведенія самъ указываетъ на эту сторону своего труда, заявляя, что хочетъ изложить событіе „по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню“... Авторъ, впрочемъ—не лѣтописецъ, а поэтъ, и произведеніе его, при всей своей исторической основѣ—произведеніе строго поэтическое, полное самаго высокаго художественнаго достоинства. При всемъ стремленіи къ реальной исторической правдѣ, автору видимо не удается отрѣшиться „отъ замышленій бояновыхъ“—и его *Слово* сплошь проникнуто поэзіею. Элементъ поэтическій чрезвычайно трудно выдѣлить въ *Словѣ* изъ историческаго: историческое событіе отъ начала до конца изображается въ блескѣ поэтическаго освѣщенія. *Слово*—сплошь исторія и вымыселъ, „правда и поэзія“...

На этомъ и коренится основная идея знаменитаго памятника. Взятое историческое событіе важно для автора не само по себѣ, какъ историческій фактъ, а по тому общему внутреннему смыслу, какой усматриваетъ авторъ въ этомъ мелкомъ фактѣ въ отношеніи къ общей исторической жизни родного народа, къ его историческимъ судьбамъ. Ничтожный самъ по себѣ походъ служитъ поэту-современнику поводомъ, чтобы высказать общій взглядъ на политическое положеніе страны и народа, чтобы наглядно, съ особой поэтической силой иллюстрировать тѣ „политическія думы“, которыя уже къ этому времени, въ концѣ XII вѣка, начинаютъ возникать у лучшихъ людей времени... Мы замѣчали уже,—чувство гражданственности въ XI—XII вв. было еще мало развито даже въ лучшихъ представителяхъ русскаго общества, князьяхъ. Чувство это однако быстро наростаетъ,—и къ концу кіевскаго періода весьма замѣтно охватываетъ не только верхніе слои общества, но и массу. Къ концу XII вѣка—мысль о „Русской землѣ“, о ея судьбѣ, уже у всѣхъ на умѣ,

пробивается вездѣ и всюду, среди всяческихъ „крамолъ“ и неурядицъ. Во всемъ обществѣ, говоритъ историкъ — видимо обнаруживается „пробужденіе мысли о Русской землѣ, какъ о чемъ-то цѣльномъ, объ общемъ земскомъ дѣлѣ, какъ о неизбѣжномъ, обязательномъ дѣлѣ всѣхъ и каждаго“... По взгляду историка, это — „коренной, самый глубокій фактъ времени“, фактъ, „къ которому привели разнообразныя, несоглашенныя и нескладныя, часто противодѣйствовавшія другъ другу стремленія князей, бояръ, духовенства, волостныхъ городовъ, всѣхъ общественныхъ силъ того времени“... То же чувство ярко просвѣчиваетъ и въ памятникахъ литературы, —сначала изрѣдка, потомъ все сильнѣе. Мы видѣли, мысль о Русской землѣ—„не невѣдомой, но яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земля“—о подвигахъ ея славныхъ князей, „стараго Игоря“, „славнаго Святослава“—внушаетъ чувства гордости уже самому первому нашему писателю, или одному изъ самыхъ первыхъ, митрополиту Иларіону [хотя названные князья—язычники!]; всюду памятуетъ о Русской землѣ въ своихъ далекихъ странствованіяхъ игуменъ Даніилъ; „Русская земля“ не сходитъ съ языка у лѣтописцевъ... Съ особой поэтической силой это національное чувство сказывается въ *Словѣ о полку Игоревѣ*. Поэма проникнута самымъ живымъ, глубокимъ сознаніемъ національнаго, народнаго единства; нигдѣ не видимъ въ ней ни малѣйшихъ слѣдовъ какихъ либо мѣстныхъ, областныхъ симпатій и пристрастій... Авторъ *Слова* занятъ не походомъ Игоря, тѣмъ меньше какимъ-либо прославленіемъ удалого князя; передъ нами—выраженный устами поэта-мыслителя плачъ Русской земли, которая гибнетъ въ „княжьихъ крамолахъ“, которую „несутъ розно“ и враги ея и сами правители-князья. Герой *Слова*—не Игорь, не его походъ, не Святославъ, хотя послѣдній окруженъ здѣсь особымъ ореоломъ; героемъ *Слова* является сама Рус-

ская земля. Лучшее мѣсто *Слова*—воззваніе къ современникамъ-князьямъ, съ мольбой „вступиться за землю Русскую“... Это мѣсто лучше всего выражаетъ основную идею произведенія,—которая крѣпче всего связываетъ памятникъ съ современной ему эпохой, придаетъ ему живое общественное значеніе.

Нельзя не видѣть самой близкой связи знаменитаго произведенія со всей областью нашей старой народной поэзіи. *Слово* въ значительной степени стоитъ на почвѣ первичныхъ, до-христіанскихъ вѣрованій и представленій русскаго народа, проникнуто сплошь образами и стилемъ славянорусской народной поэзіи. Передъ нами здѣсь всюду очевидные слѣды вліянія народныхъ пѣсенъ, народныхъ поэтическихъ мотивовъ; весь стиль *Слова*—стиль народной поэзіи. Читая памятникъ, на каждомъ шагу встрѣчаемъ обычные обороты народнаго эпоса, обычные въ народной поэзіи „постоянные эпитеты“, тавтологическія выраженія, разнаго рода повторенія, сравненія, обычные въ русской народной поэзіи символическіе образы и выраженія и т. п. Передъ нами вся народная символика, цѣлый рядъ сравненій и образовъ, обыкновенно употребляемыхъ въ произведеніяхъ устнаго народнаго творчества.

При всей близости къ народной поэзіи, къ стилю народныхъ пѣсенъ, *Слово о полку Игоревѣ* однако—не пѣсня, не былина: передъ нами произведеніе книжное, искусственное, тѣсно связанное съ современной автору книжной литературой, не менѣе тѣсно, какъ и съ безыскусственнымъ народнымъ творчествомъ. Авторъ *Слова* хорошо знакомъ съ литературой византійской,—насколько послѣдняя была извѣстна въ нашей тогдашней переводной письменности. Въ *Словѣ* передъ нами цѣлый рядъ оборотовъ и фразъ, которыя являются невольными реминисценціями читанныхъ авторомъ произведеній византійскихъ, — произведеній книжныхъ, искусственныхъ, весьма далекихъ отъ обла-

сти живой народной поэзіи... Авторъ *Слова*, очевидно— представитель уже того новаго, явившагося у насъ вслѣдъ за христіанствомъ, книжнаго кружка начитанныхъ русскихъ людей, о которомъ въ срединѣ XI-го вѣка упоминаетъ м. Иларіонъ,—который теперь, къ концу XII-го вѣка, конечно, долженъ былъ стать еще болѣе обширнымъ. Связь *Слова* съ современной ему кіевской письменностью, близкое знакомство его автора съ нашей древнѣйшей переводной литературой, пришедшей изъ Византіи, не подлежатъ сомнѣнію,—хотя не нужно эти связи и преувеличивать... Вообще по своему составу и характеру, какъ литературное произведеніе—*Слово о полку Игоревѣ* является блестящимъ литературнымъ памятникомъ, гдѣ народно-поэтическіе элементы тѣсно слиты съ болѣе поздними, книжными, — произведеніемъ человѣка, очевидно, еще очень близкаго къ народной массѣ, можетъ быть, выросшаго среди нея, воспитавшагося на произведеніяхъ ея устной, живой поэзіи, сроднившагося съ ея стилемъ, оборотами образами,—и въ то же время уже оторваннаго отъ этой массы, человѣка книжнаго, начитаннаго, хорошо знакомаго съ искусственной книжной литературой. *Слово* неотдѣлимо сливаетъ въ себѣ ту и другую область—устную, народную, и книжную, письменную... Можетъ быть, эти двѣ области въ концѣ XII-го вѣка и вообще не стояли у насъ еще такъ далеко одна отъ другой, какъ это сдѣлалось уже вскорѣ потомъ.

Дѣлая общій выводъ о характерѣ нашей литературы древнѣйшаго періода—двухъ первыхъ съ половиною вѣковъ нашего христіанства и письменности—не можемъ не видѣть въ этой литературѣ весьма значительнаго развитія, относительнаго богатства,—могучей энергіи и силы. Широко, разомъ во всѣхъ

важнѣйшихъ культурныхъ центрахъ пускаетъ могучіе ростки молодая письменность, разомъ въ самыхъ различныхъ областяхъ Удѣльной Руси,—во всѣхъ тѣхъ центрахъ, гдѣ сколько-нибудь замѣтно билъ пульсъ исторической жизни страны, сколько нибудь пробивались зародыши будущаго сильнаго, свободнаго развитія народа. Обстоятельства возникновенія, тѣсныя связи съ литературой византійской рѣзко отрываютъ возникающую письменность отъ старой языческой поэзіи народа, порываютъ и вообще ближайшія отношенія новой письменной литературы къ народной массѣ; быстро возобладавшіе въ книжной средѣ высокіе идеалы христіанства заставляютъ возникающую литературу вообще отдѣлить себя рѣзкой чертой отъ „міра и яже въ немъ"... Здѣсь, въ этой излишней отчужденности, безспорно —наиболѣе слабая сторона возникшей письменности, причина, почему наша начальная литература въ большинствѣ своихъ явленій такъ далеко стояла отъ „мірской" жизни. Отчасти, можетъ быть, это было и необходимо... Но и на почвѣ новыхъ, слишкомъ исключительныхъ, духовныхъ идеаловъ литература уже скоро выступаетъ могучей культурной силой, на первыхъ же порахъ обнаруживаетъ замѣчательную жизненность, силу, мощь. Всецѣло поставленная на почву византійско-аскетической теоріи, отрицая теоретически и „міръ" и „яже въ мірѣ",—наша молодая литература съ первыхъ же шаговъ своихъ пытается посильно служить этому „міру", становитъ себя въ близкія связи съ окружающей дѣйствительностью, на первыхъ же порахъ обнаруживаетъ въ себѣ замѣчательную высоту общественнаго самосознанія. Уже въ первомъ поколѣніи „крещеной Руси" передъ нами рядъ замѣчательныхъ представителей національной литературы, цѣлый рядъ необычайно даровитыхъ литературныхъ дѣятелей, съ обширными познаніями, съ широкимъ кругозоромъ общественной мысли, съ вполнѣ опредѣленными общественными симпатіями—и яркими

литературными талантами. Авторъ *Начальной лѣтописи* „ставитъ задачу широкаго національнаго интереса; онъ хочетъ собрать всѣ доступныя ему свѣдѣнія о началѣ народа и княжеской власти, стараясь въ то же время связать русскій народъ со всѣмъ славянскимъ племенемъ“. Передъ нами выступаетъ первый „панславистъ“... *Поученіе* Владимира Мономаха показываетъ, какъ быстро выростало и формировалось общественное самосознаніе въ лучшихъ представителяхъ народа, — какой значительный шагъ впередъ дѣлаетъ наша общественная мысль уже къ началу XII вѣка. Еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ о томъ же личность автора *Слова о полку Игоревѣ*,—этотъ широкій политическій взглядъ автора на современное положеніе его родной „Русской Земли“, этотъ гражданскій вопль его, страстный призывъ къ лучшимъ дѣятелямъ страны подумать о насущныхъ интересахъ родины... Гражданская мысль о русскомъ обществѣ, его политической цѣлостности и культурномъ развитіи, мысль—повторимъ слова позднѣйшаго историка— „объ общемъ земскомъ дѣлѣ, какъ неизбѣжномъ, обязательномъ дѣлѣ для всѣхъ и каждаго“—уже къ концу XII вѣка является „кореннымъ, самый глубокимъ фактомъ времени“... Этотъ фактъ служитъ и общей, основной почвой возникающей литературы, общей почвой всѣхъ ея лучшихъ дѣятелей, исходнымъ пунктомъ ея лучшихъ произведеній. Именно здѣсь лежитъ источникъ поражающей насъ на первый взглядъ силы возникающей литературы, ея разнообразія, относительнаго богатства. Наша начальная литература—литература сильнаго, могучаго, свободнаго народа, возникшая и развивающаяся въ свободной общественной атмосферѣ, которая окружала ее и питала... Наши первые вѣка христіанства и письменности—эпоха героическихъ, „богатырскихъ“ подвиговъ народа и вмѣстѣ— эпоха свободной, вѣчевой народной жизни. Вѣча имѣли силь-

ное вліяніе на дѣла не въ одномъ Новгородѣ,—не въ одномъ Новгородѣ отъ народнаго вѣча зависѣлъ и выборъ князя и вопросы о войнѣ и мирѣ... „Владиміръ Св. правилъ Русью съ совѣтомъ своихъ бояръ, въ который иногда призывалъ и городскихъ старѣйшинъ. Нѣсколько позднѣе въ Кіевѣ и другихъ старшихъ городахъ рядомъ съ княземъ и съ боярами, а иногда и противъ нихъ—все замѣтнѣе выступаетъ вѣче, общая городская сходка"... Къ своему близкому участію въ политической жизни населеніе не относится равнодушно, — напротивъ. „Общественное мнѣніе тогдашней Руси, говоритъ позднѣйшій историкъ, давало большую политическую цѣну боярскому совѣту, и считало его необходимымъ условіемъ хорошаго княжескаго управленія. Если князь не совѣтовался съ своими боярами, если онъ „думы не любяшеть съ мужми своими",—лѣтописецъ XII в. отмѣчалъ это, какъ признакъ „недобраго", плохого князя... Общество недовѣряло князю, дѣйствовавшему безъ соглашенія съ боярами: князь безъ своихъ „думцевъ"—могъ навредить и населенію и себѣ. Но вообще, по взглядамъ русскаго общества XI—XII в., въ дѣлахъ правленія все зависитъ не столько отъ князя, сколько отъ „думцевъ". „Съ мудрымъ думцемъ князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцемъ и малаго стола лишенъ будетъ"—говоритъ Заточникъ, отражая въ этомъ случаѣ, конечно, общій взглядъ на этотъ вопросъ своихъ современниковъ. Въ томъ же памятникѣ читаемъ: „Князь не самъ впадаетъ во многія вещи злыя, но думцы вводятъ; умныхъ дума добра,—тѣхъ бо полцы крѣпки и грады тверды" и т. д. Княжеская власть и власть страны, народа—шли рука объ руку, были тѣсно между собою связаны... Съ свободнымъ развитіемъ внутренней политической жизни соединялись широкія международныя связи,—съ западомъ, югомъ, востокомъ. Такіе города, какъ Кіевъ, Новгородъ, Владиміръ-Волынскій, въ XI—XII вв. своимъ культурнымъ развитіемъ

не уступали лучшимъ городамъ западной Европы того времени. Не одинъ Титмаръ восторженно говоритъ о великолѣпіи древняго Кіева; Адамъ Бременскій называетъ его „соперникомъ Константинополя, свѣтлѣйшимъ украшеніемъ Греціи" (земли греческой, православной вѣры)... Извѣстно, какъ обширна была иноземная торговля до-монгольской Руси. Въ нач. Х-го вѣка русскіе купцы съ своими телѣгами, черезъ Чехію, пробирались на берега Дуная, —своихъ лошадей и невольниковъ продавали баварцамъ; въ XI вѣкѣ поляки и русскіе доходятъ до Сициліи; въ XII-мъ Регенсбургъ держитъ въ Кіевѣ свои торговые дома... Польша была лишь дорогою, по которой западные купцы отправлялись на Русь. Уже въ 1205 году венеціане стремятся утвердиться на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей... Помимо Кіева, который служилъ общимъ центромъ, гдѣ сходились купцы изъ самыхъ различныхъ странъ,—въ городѣ Орнѣ, на Дону, собирались купцы изъ Хозаріи, Руси, Аланіи; Смоленскъ ведетъ дѣятельныя торговыя сношенія съ нѣмцами и готскимъ берегомъ и т. д. и т. д. Эта кипучая общественная жизнь до-монгольской Руси, эта близость и широта иноземныхъ связей и вліяній не могли не отражаться и на литературѣ,—и все это объясняетъ намъ ея относительную мощь и силу, замѣчательное разнообразіе, свѣжую оригинальность,—черты, „которыя тѣмъ болѣе любопытны, что это были первыя начала литературы у народа, ничѣмъ не подготовленнаго къ подобному успѣху"...

ЧТЕНІЯ

въ обществѣ любителей русской словесности

въ память А. С. Пушкина

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

I. **А. С. Архангельскаго**, О задачахъ ближайшей научной дѣятельности „Пушкинскаго Общества“ въ Казани. Казань, 1900.

II. **А. С. Архангельскаго**, Памяти Д. В. Григоровича. Русская литература 40-хъ гг. и первые разсказы Д. В. Григоровича. Казань, 1901.

III. **Ѳ. Е. Пактовскаго**, Современное общество въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Казань, 1900.

IV. **Ѳ. Е. Пактовскаго**, Идеализмъ въ произведеніяхъ Вл. Короленка. Казань, 1900.

V. **А. В. Васильева**, Аѳанасій Никитинъ и его „Хоженіе за три моря“. Казань, 1900.

VI. **А. С. Архангельскаго**, М. И. Сухомлиновъ († 8 іюля 1901 г.) и И. Н. Ждановъ [† 11 іюля 1901]. Нѣсколько словъ о ихъ ученой дѣятельности. Казань, 1901.

VII. **Ѳ. Е. Пактовскаго**, Графъ А. К. Толстой и его поэтическое творчество. Казань, 1901.

VIII. **А. С. Рождествина**, Вл. С. Соловьевъ, какъ поэтъ. Казань, 1901.

IX. **Д. А. Корсакова**, О. И. Сенковскій и М. П. Погодинъ, какъ журналисты. Казань, 1902.

X. **Д. П. Шестакова**, Памяти Т. Г. Шевченка. Казань, 1901.

XI. **Д. П. Шестакова**, Русскіе писатели въ нѣмецкой оцѣнкѣ. Казань, 1901.

XII. **С. И. Ершова**, Европейская литература. Этюдъ Ф Брюнетьера. Казань, 1901.

XIII. **А. С. Рождествина**, Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. Казань, 1902.

XIV. **Д. П. Шестакова**. Влад. Ив. Даль. Казань. 1901.

XV. **А. С. Рождествина**, Жизнь и поэзія Никитина. Казань, 1902.

XVI. **Д. П Шестакова**. Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ Къ 50-лѣтію литературной дѣятельности. Казань, 1902.

XVII. **Н. В. Рейнгардта**, Н. К. Михайловскій и его труды. (По поводу 40-лѣтія его литературной дѣятельности). Казань, 1902.

XVIII. **В. А. Боброва**, Исторія изученія Святославова Изборника 1076 г. Библіографическій обзоръ. Казань, 1902.

XXII. **С. П. Шестакова**, В. А. Жуковскій, какъ переводчикъ Гомера. Казань, 1902.

XXIII. **С. П. Шестакова**, Замѣтки къ переводамъ В. А. Жуковскаго. 1902.

XXIV. **Д. П. Шестакова**. Семья и народъ въ произведеніяхъ Гл. И. Успенскаго. 1903.